

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ  
ПО ИСТОРИИ  
РУССКОГО  
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

---

Б. В. ЛУНИН

## ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОГО ВЫСШЕГО ВОСТОКОВЕДНОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Видное место в истории отечественного востоковедения по праву принадлежит не только научно-исследовательским учреждениям и организациям востоковедного характера, но и учебным заведениям. Нельзя не согласиться с А. Н. Кононовым, отметившим, что «самого пристального внимания заслуживает история учебных... востоковедных учреждений... дооктябрьского периода»<sup>1</sup>.

Под этим углом зрения представляет значительный интерес «предистория» и история высшего востоковедного учебного заведения в Ташкенте, первого, насколько нам известно, востоковедного вуза<sup>2</sup>, созданного при Советской власти.

\* \* \*

Ташкент наших дней является одним из общепризнанных центров советского востоковедения. В нем имеется не только Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР (научно-исследовательское учреждение, носящее имя Абу Рейхана Бируни)<sup>3</sup>, но и восточный факультет Ташкентского государственного университета, имеющий свою, более чем сорокалетнюю историю. История востфака еще не нашла своего летописца. Остается забытой также сложная и своеобразная «предистория» высшего учебного заведения

---

<sup>1</sup> А. Н. Кононов, *Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения*, М., 1960, стр. 4.

<sup>2</sup> Имеется в виду не реорганизация и переименование востоковедных вузов, существовавших в России до Великой Октябрьской революции, а именно создание нового востоковедного высшего учебного заведения.

<sup>3</sup> Имя великого среднеазиатского ученого Бируни присвоено Институту востоковедения Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР 3 июня 1957 г. («Правда Востока», 4.VI.1957).

востоковедного типа в Ташкенте, а между тем «предистория» эта, будучи связанной с именами академиков В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга и других известных востоковедов, сама по себе заслуживает несомненного внимания историографа.

Не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, остановимся на основных этапах истории востоковедного вуза в Ташкенте.

Мысль о целесообразности организации в Ташкенте высшего востоковедного учебного заведения и порожденная ею дискуссия имеет ныне уже без малого шестидесятилетнюю давность. Начало этой дискуссии было положено выдающимся русским востоковедом С. Ф. Ольденбургом, который сам ни в малейшей степени не подозревал, видимо, что его выступление в печати по этому вопросу послужит поводом к такого рода дискуссии.

Ознакомившись с литературой, посвященной деятельности французской «Эколь д'экстрем ориен» в Сайгоне, ее уставом и другими материалами, С. Ф. Ольденбург дал обзор-рецензию деятельности школы<sup>4</sup>.

С. Ф. Ольденбург с похвалой отозвался о задачах, стоявших перед школой. Они сводились к содействию археологическому и филологическому изучению Индокитая и соседних с ним стран и цивилизаций (Индия, Китай, Япония, Южный Архипелаг и др.). Школа имела стипендиатов: молодые люди, обладавшие серьезной научной подготовкой, а также ученые, которым для научной работы необходимо было пребывание в Азии. И те и другие должны были часть своих трудов уделять целям, непосредственно преследуемым школой. Периодическим органом школы был бюллетень, выходивший четыре раза в год.

«Франция, — писал Ольденбург, — первая сделала попытку перенести на изучение Востока традиции классической филологии созданием ученой школы на месте. Недолгий еще, правда, опыт дал уже прекрасные результаты, и другие страны, вероятно, скоро последуют данному примеру. Крайне желательно было бы, чтобы Россия сделала попытку дать прочное обоснование русскому востоковедению основанием ученой школы на Востоке. *Ташкент мог бы явиться прекрасным центром для деятельности этой школы, из которого можно было бы изучать не только русские среднеазиат-*

<sup>4</sup> С. Ф. Ольденбург, *Французская школа крайнего Востока в Сайгоне*, — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб., ч. 340, отд. IV, 1902, стр. 47—51.

ские владения, но и Персию, Афганистан, Кашгарию, Тибет и даже Китай и Монголию (курсив наш. — Б. Л.). У нас есть люди, чтобы осуществить это дело, и на поддержку на месте можно безусловно рассчитывать. Здесь, к сожалению, не место, чтобы подробнее развить высказываемое пожелание, но мы надеемся, что и другие разделят наше мнение и что те, от кого зависит создание русской ученой школы на Востоке, не отложат на долго осуществление этого дела»<sup>5</sup>.

Не лишне напомнить, что во всей России тогда имелось лишь несколько учебных заведений востоковедного характера: в первую очередь факультет восточных языков Петербургского университета, «история которого столь подробно и блестяще написана покойным академиком В. В. Бартольд»<sup>6</sup>, соответствующие кафедры Московского и Казанского университетов, Московский Лазаревский институт восточных языков, Восточный институт во Владивостоке, учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (впоследствии при III политическом отделе Министерства иностранных дел) и немногие другие.

Говоря о Ташкенте, который «мог бы явиться прекрасным центром» высшей востоковедной школы, С. Ф. Ольденбург исходил, видимо, не только из учета административно-политического и культурного значения Ташкента в жизни Средней Азии вообще, но и учитывал наличие здесь определенной группы лиц, чьи знания могли быть успешно применены в деятельности такого рода школы. Известно, в частности, как высоко, например, ценил С. Ф. Ольденбург деятельность

<sup>5</sup> Там же, стр. 50, 51. С. Ф. Ольденбург писал: «Если же по материальным соображениям оказалось бы невозможным теперь же осуществить идею подобной школы, то была бы возможность удовлетворить насущной потребности в специалисте на местах созданием должности особого „ученого-корреспондента“ Академии наук: он мог бы явиться надежным руководителем и для местных деятелей и для молодых людей, которых можно было бы направлять к нему; он мог бы также оказать неоценимую помощь при устройстве научных экспедиций».

Короткое время в конце 80-х годов в Ташкенте было лицо, по деятельности своей отчасти отвечавшее указанным здесь требованиям, — это был столь безвременно скончавшийся молодой кандидат факультета восточных языков Евгений Федорович Калы, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе; следом его, увы, слишком краткой деятельности остался каталог мусульманских рукописей Ташкентской библиотеки. За людьми в настоящее время дело не станет, — богатый серьезными научными силами факультет восточных языков мог бы, конечно, дать из своей среды прекрасного „ученого-корреспондента“ на Востоке».

<sup>6</sup> В. М. Алексеев, *Сергей Федорович Ольденбург, как организатор и руководитель наших ориенталистов* — «Записки Института востоковедения Академии наук СССР», вып. IV, 1935, стр. 32.

русского консула в Кашгаре Николая Федоровича Петровского (1837—1908), подолгу жившего в Ташкенте<sup>7</sup>.

С. Ф. Ольденбург вел оживленную переписку с некоторыми туркестановедами<sup>8</sup>, внимательно следил за туркестановедческой литературой, откликался на нее своими рецензиями и т. д.<sup>9</sup>.

Известно, наконец, что С. Ф. Ольденбург был страстным приверженцем идеи организации новых учебно-востоковедных учреждений типа институтов не только в России, но и русских «институтов в азиатских странах зарубежного Востока, идеи, ему особенно дорогой и, к сожалению, пока не осуществившейся»<sup>10</sup>.

Упомянутая статья С. Ф. Ольденбурга нашла положительный отзыв на страницах газеты «Туркестанские ведомости»; редактором которой был тогда Н. Г. Маллицкий. Возможно, именно ему и принадлежит следующий текст, опубликованный на страницах этой газеты (хотя более вероятно, на наш взгляд, авторство другого туркестановеда — Н. П. Остроумова).

«Высшая школа востоковедения в Ташкенте — такова блестящая идея, к которой совершенно независимо от туркестанцев, давно уже мечтавших об этом, пришел академик С. Ф. Ольденбург... Такое мнение тем более веско, что С. Ф. Ольденбург не занимается ни тюркскими наречиями, ни мусульманством, ни историей Востока, ни среднеазиатским искусством. В устах лица, специализировавшегося на одном из упомянутых предметов, подобный отзыв еще мог быть объяснен пристрастием специалиста, эгоизмом ученого, готового забыть все ради процветания дорогой ему отрасли

<sup>7</sup> С. Ф. Ольденбург, *Памяти Николая Федоровича Петровского (1837—1908)*, — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XX, 1912, стр. 1—8; о Н. Ф. Петровском см., в частности, Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане*, Ташкент, 1958, стр. 74—75, 267 и др.

<sup>8</sup> Ср. В. М. Алексеев, *Сергей Федорович Ольденбург...*, стр. 42.

<sup>9</sup> Ср. его отзыв на одну из кн.: «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII, 1899, стр. 27—28, также: С. Ф. Ольденбург, *Н. П. Остроумов, Сарты*, — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. IX, 1896, стр. 304—305, рец. «Описание археологической и нумизматической коллекции, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку. Сост. Н. П. Остроумов и И. В. Аничков при участии студентов С.-Петербургского университета М. и А. Ульяновых и Н. Остроумова», Ташкент, 1900; «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XIV, 1902, стр. 135, 136.

<sup>10</sup> В. М. Алексеев, *Сергей Федорович Ольденбург...*, стр. 42, 43.

знания. Но С. Ф. Ольденбург посвятил себя изучению буддизма, — явления, совершенно чуждого в настоящее время Туркестанскому краю, и потому отзыв его должно считать вполне беспристрастным. Как человек с широким кругозором и громадным общим образованием С. Ф. Ольденбург и не мог высказаться иначе.

Не будем говорить о том, как нуждается наше отечество в людях, получивших систематическую подготовку к практической деятельности в восточных странах. Умолчим и о том, насколько удовлетворяют этой жизненной потребности нашего государства существующие высшие школы восточных языков, основанные в столицах, за тысячу верст от так называемого Востока. Ненормальность такого положения дел очевидна, и один местный институт восточных языков, во Владивостоке, уже начал свое существование...<sup>11</sup> Расположенный в мусульманской стране, недалеко от Памирского нагорья, разделяющего области самой разнообразной культуры и самого различного населения, — Туран и Индия, Иран и Китай, — Ташкент удовлетворяет всем условиям для создания в нем института восточных языков. Отсюда можно с удобством изучать ближнюю, среднюю и южную Азию; проектируемое заведение могло-бы дать приют не одной, но нескольким отраслям востоковедения. По разнообразию своих учебных сил и предметов занятий это был-бы настоящий восточный факультет университета, или „маленький университет востоковедения“.

Нечего и говорить, какой могучий импульс получило бы практическое и научное востоковедение в России от основания подобного учреждения»<sup>12</sup>.

Касаясь вопроса об изыскании средств на открытие и содержание высшей востоковедной школы в Ташкенте, газета считала, что «местная власть и местное общество не замедлят поддержать... проект всеми зависящими от них средствами. По п. 5 статьи 317 Положения об Управлении Туркестанского края, на земские средства относится участие в расходах по устройству и содержанию учебных заведений, учреждаемых правительством. А городское самоуправление Ташкента, наверное, с радостью отвело бы участок земли для постройки здания первого высшего учебного заведения в Туркестанском крае».

<sup>11</sup> Речь идет о Восточном институте, основанном во Владивостоке 21 октября 1899 г. [см.: С. С. Григорьевич, *Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг.)*, — «Советское востоковедение», 1957, № 4, стр. 131—140].

<sup>12</sup> «Туркестанские ведомости», Ташкент, 24.III.1902.

Заслуживает особого внимания политическая аргументация организации высшей востоковедной школы в Ташкенте, как она понималась автором статьи.

«Момент для возбуждения этого вопроса, — читаем мы, — крайне благоприятный. Никогда еще Россия не была более серьезно заинтересована делами персидскими, чем в настоящее время. Настает та борьба за рынки, которая, по выражению английского оратора, составит содержание истории XX века, и одним из самых могучих орудий в этой борьбе будет наука. Подобные соображения вызвали к жизни Владивостокский институт; настало время поднять вопрос о создании подобного учреждения и в Ташкенте».

Газета подчеркивала, что открытие в Ташкенте Восточного института было давней мечтой туркестанцев. Действительно, местные работники еще до появления статьи С. Ф. Ольденбурга ставили вопрос об организации в Ташкенте Восточного института. Так, М. М. Вирский предлагал «учредить в Ташкенте Восточный институт, — по примеру такого же, какой недавно открыт во Владивостоке, для изучения языков индустани, персидского, арабского, сартовского и киргизского, истории и географии Индии, Афганистана, Персии, Бухары, Хивы и других пограничных ханств, с тем чтобы окончившие полный курс преимущественно назначались на все должности как административно-полицейского, так и других ведомств Туркестанского края... Окончившие курс в Восточном институте принесли бы неисчислимые выгоды для правительства, они, если не всегда, то долго бы служили в Туркестанском крае и правительству далеко менее пришлось бы тратить деньги на прогоны и подъемные переводимых сюда на службу большей частью на три года, а самое большее уже на пять лет»<sup>13</sup>.

Статья С. Ф. Ольденбурга и выступление газеты «Туркестанские ведомости» не замедлили обратить на себя внимание В. В. Бартольда, всегда зорко и пристально следившего за научной жизнью Туркестана. В. В. Бартольд выступил с обширной статьей по затронутому вопросу на страницах тех же «Туркестанских ведомостей»<sup>14</sup>.

Его точка зрения была в корне отличной от взглядов С. Ф. Ольденбурга, поддержанных редакцией газеты.

Вне зависимости от вопроса, насколько был прав в своих

<sup>13</sup> М. М. Вирский, *Ближайшие меры для упрочения русского влияния и распространения просвещения среди туземцев Туркестанского края*, — «Туркестанские ведомости», 6.II.1900.

<sup>14</sup> В. В. Бартольд, *По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга*, — «Туркестанские ведомости», 25.IV.1902.

суждениях В. В. Бартольд, следует учитывать, что последний значительно более детально знал реальную действительность Туркестанского края, нежели С. Ф. Ольденбург. В. В. Бартольд, который, заметим, привык радоваться каждому новому проявлению научной мысли в Туркестане, каждому новому успеху туркестановедения, в том числе достигаемому силами местных деятелей<sup>15</sup>, исходил тем не менее из убеждения в преждевременности организации высшего учебного заведения востоковедного типа в Ташкенте. И здесь, таким образом, он предстает перед нами как ученый и человек, по словам И. Ю. Крачковского, «объективный до шепетильности»<sup>16</sup>.

В. В. Бартольд писал: «Статья С. Ф. Ольденбурга о необходимости учредить высшую школу востоковедения в Ташкенте нашла себе сочувственный отклик в передовой статье «Туркестанских Ведомостей» (№ 24). Идея С. Ф. Ольденбурга близко касается предмета моих специальных занятий; поэтому я надеюсь, что мне будет дана возможность высказать о ней свое мнение на страницах той же газеты, хотя это мнение расходится с мнением редакции. *Вполне сочувствуя идее уважаемого академика* (курсив наш. — Б. Л.), я полагаю, что в настоящее время еще нет в наличности условий, необходимых для ее осуществления, и что попытка теперь же осуществить ее в полном объеме могла бы привести только к печальным результатам. Учреждение вдали от существующих научных центров, новой „ученой школы“ возможно, как мне кажется, только при наличности следующих условий: 1) если важность научных задач и невозможность жертвовать ими ради достижения непосредственных практических результатов сознаются не только специалистами, но и обществом; 2) если та отрасль знания, для которой предполагается учредить школу, уже достигла такого развития, что представители этой специальности и вдали от общения с представителями других наук могут работать с прежним успехом, не подчиняясь влиянию односторонней специальности в ущерб правильному пониманию общих научных задач и методов; 3) если имеется достаточное количество серьезных научных сил».

На попытку «Туркестанских ведомостей» мотивировать необходимость открытия в Ташкенте высшей востоковедной

---

<sup>15</sup> Вспомним слова самого В. В. Бартольда из его автобиографии о том, что его исследовательские работы «помимо петербургских научных учреждений... были тесно связаны с деятельностью научных учреждений и отдельных исследователей в Туркестане» («Огонек», 1927, № 40).

<sup>16</sup> И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 148.



школы мотивами недвусмысленно политического характера («борьба за рынки»), В. В. Бартольд как защитник «чистой науки» реагировал следующими словами: «Насколько признается в настоящее время важность научных задач русского востоковедения, известно каждому, кто следил за газетными статьями о факультете восточных языков и его недостатках. Далеко не всеми признается, что деятельность восточного, как и всякого другого университетского факультета, *должна определяться исключительно научными, а не политическими или коммерческими задачами* (курсив наш. — Б. Л.)... При теоретическом знании восточных языков, при знакомстве с литературой, историей и географией восточных стран будущему дипломату, чиновнику или коммерсанту нетрудно в короткое время приобрести практическое знание нужного ему языка, ознакомиться с вопросами текущей политики, изучить условия коммерческой деятельности на Востоке и т. п. Жертвовать полнотой научного образования ради того, чтобы в будущем избавить молодых людей от несложной самостоятельной работы, значило бы вредить интересам не только науки, но и жизни. Все это, конечно, азбучные истины, но в применении к задачам востоковедения постоянно нарушаемые... Если существует стремление подчинить даже программы восточного факультета узкопрактическим целям, то несомненно, что подобные требования в еще более категорической форме будут предъявлены к новой высшей школе. Владивостокский институт, на который, как на образец для проектируемого Ташкентского учебного заведения, указывают „Новое Время“ (№ 9339) и отчасти „Туркестанские Ведомости“, пошел навстречу этим требованиям... Будущее покажет, насколько возможно соединить в одном учебном заведении научные задачи с узкопрактическими; появившиеся до сих пор выпуски „Известий“ института, содержащие подробный отчет о первых годах его деятельности, едва ли дают повод к радужным надеждам. Для нашей цели достаточно отметить факт, что подобное учебное заведение не имеет ничего общего с той ученой школой, о которой говорится в статье С. Ф. Ольденбурга».

В заключение В. В. Бартольд пишет, что «едва ли можно сделать серьезное возражение против перенесения в Ташкент высших восточных школ, куда поступают молодые люди, не нуждающиеся в сложной теоретической подготовке или уже приобретшие таковую; мы имеем в виду, между прочим, и учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел с его офицерскими классами (мысль о перенесении последних в Ташкент давно уже была высказана на

страницах «Туркестанских Ведомостей»); но ученая школа востоковедения в Ташкенте едва ли осталась бы на высоте своей задачи. Если бы нашлись свободные средства и научные силы, то, с точки зрения интересов науки, на первую очередь, как мне кажется, следовало бы поставить осуществление не идеи С. Ф. Ольденбурга, а мысли давно уже высказанной бароном В. Р. Розеном: учредить кафедры восточных языков при историко-филологических факультетах всех русских университетов<sup>17</sup>.

Мне кажется, что нам не только в области востоковедения, но и в других областях недостает научных деятелей не только для открытия новых, но даже для поддержания на должной высоте существующих научных учреждений... При таких условиях трудно разделить надежду „Туркестанских ведомостей“ на возможность процветания в Ташкенте высшей школы, „с несколькими равноправными и разносторонними специалистами профессорами, с толпою жаждущей знания молодежи“».

Публикуя статью В. В. Бартольда, редакция газеты снабдила ее следующим примечанием:

«Помещая многосторонне обоснованное возражение профессора В. В. Бартольда на проект учреждения в Ташкенте высшей школы востоковедения, мы оставляем за собой право вернуться к этому предмету еще раз».

Статья В. В. Бартольда привлекла к себе внимание правления Ташкентского отделения Общества востоковедения. Обсуждая статью, правление Общества «нашло, что мнение

<sup>17</sup> Напомним, что в 1830 г. согласно новому уставу Академии наук восточные языки должны были стать предметом изучения в числе специальных предметов, представленных в Академии. Первый университетский устав 1804 г. предусматривал организацию кафедры восточных языков, а по уставу 1835 г. во всех русских университетах, кроме преподавания мусульманских языков, должно было вестись чтение курсов монгольского и калмыцкого языков, причем в Казани читались также курсы армянского, китайского и санскритского языков. В 1854 г. последовало учреждение факультета восточных языков Петербургского университета (Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, — «Труды III Международного съезда ориенталистов», 1876, т. I, СПб., 1879—1880, стр. 99—256, 605—606; «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV. «Обзор деятельности факультета. 1855—1905», состав. проф. В. В. Бартольд, СПб., 1909, стр. 206). «Возникнувшие в 60-х годах проекты об учреждении университетов в Саратове, Астрахани, Тифлисе и в Крыму, причем в Тифлисе предполагалось учредить кафедру истории мусульманского Востока, тогда не получили осуществления» (В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*. Лекции, читанные в Университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. Издание второе. Л., 1925, стр. 232, 233).

В. В. Бартольда слишком односторонне, так как касается только научной стороны вопроса, тогда как в Ташкенте было бы желательно устроить высшее учебное заведение с восточными языками возможно более практического характера для подготовки лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Туркестанского края и сопредельных стран»<sup>18</sup>.

Местные туркестановеды пытались предпринять действия для реализации планов открытия в Ташкенте высшего востоковедного учебного заведения; особо активное участие в этом приняло Ташкентское отделение Общества востоковедения.

Уже в следующем за появлением статьи С. Ф. Ольденбурга году Отделение разработало проект Положения об Институте восточных языков в Ташкенте. В архиве сохранились данные, из которых явствует, что 12 мая 1903 г. Н. П. Остроумов препроводил управляющему Туркестанской казенной палаты П. П. Ивашкевичу текст высочайше утвержденного 24 мая 1899 г. Положения о Восточном институте<sup>19</sup> с просьбой посетить заседание комиссии «по выработке Положения об Институте восточных языков в Ташкенте»<sup>20</sup>.

Комиссия эта была образована решением правления Отделения.

14 мая 1903 г. состоялось первое заседание Комиссии по выработке проекта Положения Института восточных языков в Ташкенте в составе Н. П. Остроумова (председатель), П. П. Ивашкевича, С. М. Граменицкого, Н. Г. Маллицкого, И. Д. Ягелло и И. И. Крюкова. Среди этих лиц были питомцы восточного факультета Петербургского университета (Ивашкевич), петербургских курсов восточных языков (Ягелло) и других востоковедных учебных заведений.

Комиссия обсудила вопрос, проектировать ли создание высшего учебного заведения или среднего, «в котором бы молодые люди изучали теорию и практику местных восточных языков и другие учебные предметы, находящиеся в связи с будущей практической деятельностью их в Туркестанском крае и сопредельных странах».

На сей счет существовало два проекта.

Первый проект предусматривал создание в Ташкенте высшего учебного заведения, в котором бы преподавались во-

<sup>18</sup> «Известия Ташкентского отделения Общества востоковедения», вып. IV, Ташкент, 1903, стр. 12 (далее — ИТОВ).

<sup>19</sup> «Свод законов Российской империи», т. XIX, СПб., 1902, ст. 16940.

<sup>20</sup> «Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР», ф. 361, оп. 1, д. 1, л. 7 (далее — ЦГИА УзССР).

сточные языки. Обсуждая его, комиссия считала необходимым ввести в программу преподавания следующие предметы:

1. Богословие; 2. Общий курс географии и этнографии Китая, Персии, Афганистана, Индии, Бухары и Хивы с общим обзором их политического устройства и религиозного быта; 3. Английский язык; 4. Французский язык; 5. Немецкий язык (необязательный); 6. Политико-экономическая организация и обзор торгово-промышленной деятельности вышеупомянутых государств; 7. Новейшая история (XIX в.) тех же государств в связи с историей сношений с ними России; 8. Коммерческая география тех же государств и история торговли ближнего Востока; 9. Политическая экономия; 10. Международное право; 11. Обзор государственного устройства России и главнейших европейских держав; 12. Основы гражданского и торгового права и судопроизводства; 13. Счетоводство; 14. Товароведение.

Восточные языки: 15. Арабский; 16. Санскритский; 17. Зендский; 18. Персидский с наречиями; 19. Индустанский; 20. Тюркские наречия (киргизское, сартовское, азербайджанское и туркменское); 21. Китайский; 22. Монголо-калмыцкий.

Кроме перечисленных языков и учебных предметов, студенты проектируемого института должны были, по мнению комиссии, командировываться в каникулярное время в соседние страны для практического усовершенствования в изучаемых языках.

Комиссия подчеркивала, что создание такого учебного заведения в Ташкенте потребовало бы отпуска из государственного казначейства более 95 тыс. руб. ежегодно, на что в настоящее время не было возможности рассчитывать, «не говоря уже о том, что ученых сил для преподавания в этом институте трудно было бы найти». Заметим, что в этом последнем комиссия по существу солидаризировалась с мнением на сей счет В. В. Бартольда.

Второй проект предусматривал создание в Ташкенте среднего специального учебного заведения с преподаванием восточных языков. Комиссия внесла предложения:

а) курс обучения должен быть четырехлетний;

б) следует установить 40 стипендий, по 240 руб. каждая;

в) принимать в это учебное заведение окончивших четыре класса классической гимназии или реального училища и полный курс городских училищ;

г) ввести в программу преподавания следующие предметы:

1. Закон Божий; 2. Русский язык и словесность; 3. История русская и общая; 4. Математика; 5. Физика; 6. Химия;

7. Краткое естествознание; 8. Новые языки (французский и английский); 9. Местные языки: персидский (и таджикский), сартовский (и киргизский и туркменский); 10. Отечественное законоведение; 11. Мусульманское законоведение; 12. Этнография сартов, киргизов, туркмен и населения сопредельных стран; 13. Коммерческая география; 14. Товароведение и 15. Счетоводство.

Примечание 1. Курсы истории и географии следовало бы дополнять сведениями о сопредельных странах.

Примечание 2. Отечественное и мусульманское законоведение следовало бы преподавать в сжатом виде <sup>21</sup>.

Отмечалось также, что при этом учебном заведении могли бы быть вечерние курсы местных языков для русских <sup>22</sup>.

На протоколе комиссии была наложена резолюция начальника края генерала Иванова о преждевременности учреждения в Ташкенте высшего учебного заведения и о целесообразности открытия среднего учебного заведения. При этом в интересах экономии средств предлагалось использовать местную учительскую семинарию, «разделив старшие два класса на два отделения — одно собственно учительское, а другое для образования переводчиков и коммерческих агентов» <sup>23</sup>.

Председатель комиссии, сообщая об этой резолюции председателю Отделения, высказался за целесообразность организации при Туркестанской учительской семинарии дополнительных специальных двухгодичных курсов по востоковедению. На этих курсах слушатели должны были бы «изучать местные языки, ознакомиться с естественными богатствами края и с условиями сельскохозяйственной и торговопромышленной деятельности в нем, этнографией и обычным правом, а также получить возможные практические знания по английскому и французскому языкам» <sup>24</sup>.

В выводах комиссия указывала, что дальнейшая разработка вопроса зависит от рассмотрения и принципиального одобрения его Советом Общества востоковедения, Министерством финансов и Министерством народного просвещения.

<sup>21</sup> «Протокол № 1 заседания Комиссии по разработке Положения Института восточных языков в Ташкенте (14 мая 1903 г.)», — ИТОВ, вып. IV, 1903, стр. 16—20.

<sup>22</sup> Интересно, что по просьбе Ташкентского отделения Общества востоковедения проф. Мартин Гартман выслал ему данные о семинарии восточных языков в Шарлоттенбурге, где в 1903 г. преподавались языки: китайский, японский, новоарабский (сирийский, египетский, марокканский), персидский, турецкий, суахили, индустани, гуджарати, гереро, хауса, дуала и эфе и некоторые европейские.

<sup>23</sup> ИТОВ, вып. IV, 1903, стр. 23.

<sup>24</sup> Там же, стр. 28.

На этом по сути дела и завершается первый этап «пред- истории» изучаемого вопроса.

Однако мысль о создании в Ташкенте востоковедного высшего учебного заведения не заглохла.

Из справки «О положении некоторых вопросов, поступивших из Ташкентского отделения Общества востоковедения на рассмотрение Совета Общества» (в Петербурге) от 1 января 1906 г. «мы узнаем, что возникновение вопроса об учреждении в Ташкенте специального учебного заведения с восточными языками относится к 1902 году. Ташкентское Отделение Общества первоначально остановилось на мысли об открытии в Ташкенте высшего учебного заведения, по типу соответствующего Владивостокскому институту восточных языков; но затем Отделением, по предложению Совета, разработан был более по условиям времени и средств, осуществимый проект учреждения при Ташкентской учительской семинарии дополнительных курсов местных языков для подготовки переводчиков и торговых агентов.

Совет, рассмотрев означенный проект и имея в виду, что Учительская семинария преследует свои специальные, чисто педагогические задачи, не совпадающие с задачами проектируемых курсов, пришел к заключению о необходимости учредить в Ташкенте соответствующее самостоятельное учебное заведение, причем наиболее целесообразным по местным условиям и нуждам типом такого учебного заведения признал Коммерческое училище с восточными языками. Только коммерческая школа, по мнению Совета, могла бы удовлетворить потребности быстро развивающейся в крае торгово-промышленной жизни; только она могла бы создать необходимый для края кадр торговых агентов, знающих местные языки; к тому же действующее Положение о коммерческих школах допускает самую широкую приспособляемость этих учебных заведений к местным потребностям и материальным средствам.

Проект этот, однако, не мог быть направлен в свое время по инстанциям, ввиду открытия военных действий против Японии...»<sup>25</sup>.

Вообще же указанный проект встретил сочувственное отношение колониальной администрации, что было вызвано, конечно, чисто практическими соображениями. Говоря словами главного начальника края генерала Н. Н. Тевяшова на общем собрании Ташкентского отделения Общества востоко-

---

<sup>25</sup> И как можно предполагать — ввиду последовавших затем событий первой русской революции 1905 г. — Б. Л.

ведения 8 января 1905 г., «незнание местных языков затрудняет вообще сношение с туземцами и не дает возможности сноситься с ними без переводчиков»<sup>26</sup>.

Характерно вместе с тем, что на предложение ввести преподавание местных языков не только в низших школах, но и в средних учебных заведениях «Главный начальник края заметил, что... кончающие гимназии поступают в высшие учебные заведения и редко возвращаются в край. Что же касается детей, практически изучивших восточные языки в низших школах, то они за редким исключением, остаются в крае. Поэтому на них именно следует остановиться»<sup>27</sup>.

В конечном же счете дело свелось к тому, что генерал Н. Н. Тевяшов согласился с мнением Совета Общества о необходимости устройства в Ташкенте... коммерческого учебного заведения, где бы изучали местные языки. Это училище должно было отвечать «двойной потребности — подготовки торговых деятелей и переводчиков... применительно к потребностям Туркестанского края»<sup>28</sup>. Гора родила мышь, а еще точнее говоря, лишь собиралась родить.

Было решено просить для коммерческого училища пустовавшее тогда здание ташкентского дворца великого князя Николая Константиновича, но из-за отказа последнего училище не было организовано<sup>29</sup>.

Вскоре вопрос о создании учебного заведения востоковедного типа в Ташкенте не только всплыл опять, но, казалось, стал даже приближаться к своему практическому разрешению.

Он продолжал усиленно дебатироваться на страницах печати<sup>30</sup>.

В 1906 г. в Ташкенте был издан «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков, служащими по военно-народному управлению Туркестанского края». Авторы опубликованных в нем статей и материалов настойчиво подчеркивали, что если в Ташкенте будет открыто высшее учебное заведение, то туда необходимо направлять молодежь, окончившую курс обучения в местных средних учебных за-

<sup>26</sup> ИТОВ, вып. VI, 1909, стр. 2.

<sup>27</sup> Там же, стр. 4.

<sup>28</sup> Там же, стр. 9.

<sup>29</sup> Там же, стр. 22.

<sup>30</sup> Ср. В. В. Бартольд, *К вопросу об изучении местных языков*, — «Туркестанские ведомости», 26.IV.1906; И. Д. Ягелло, *Восточный институт в Ташкенте*, — «Туркестанские ведомости», 20.IX.1906; В. В. Бартольд, *К проекту Восточного института*, — «Туркестанские ведомости», 1.XI.1906; Н. С. Лыкошин, *О знании туземных наречий*, — «Среднеазиатская жизнь», 1906, № 87 и т. д.

ведениях. Оставшись в крае, эти молодые люди «могли бы быть весьма полезны во всех отраслях службы».

Инспектор народных училищ края Н. Ф. Сайфи представил проект «высшего учебного заведения с местными языками», поддержанный Ташкентским отделением Общества востоковедения. В этом проекте, опубликованном в «Сборнике материалов по изучению туземных языков», вновь предлагалось «учреждение в Ташкенте Восточного Института по образцу Владивостокского».

В результате 16 сентября 1906 г. появился специальный приказ (№ 353) и. д. туркестанского генерал-губернатора Д. И. Суботича следующего содержания: «Соглашаясь в принципе с выводами „Сборника материалов об изучении туземных языков“ о необходимости учреждения в Ташкенте для лиц, окончивших средне-учебные заведения края, высшего учебного заведения с восточными языками, предлагаю Туркестанскому комитету (точнее комиссии. — Б. Л.) по изучению местных языков рассмотреть проект г. Сайфи об учреждении в г. Ташкенте Восточного института и выработать окончательно, для дальнейшего представления, проект учреждения в г. Ташкенте высшего учебного заведения с восточными языками для лиц окончивших средне-учебные заведения края.

С означенною целью пригласить в состав комитета составителя проекта г. Сайфи и других сведующих лиц»<sup>31</sup>.

Что касается Туркестанской комиссии по изучению местных языков, то она была образована распоряжением главного начальника края. Возглавлял комиссию П. И. Хомутов, членами ее были Кастальский, Ломакин и Папенгут.

Мы не останавливаемся здесь на выводах и заключениях комиссии, ибо они сводились главным образом к вопросу об обязательном знании лицами, служащими в Туркестане, местных языков. Комиссия предлагала ввести с этой целью обязательный курс обучения с последующими экзаменами. Она наметила программу обучения и рекомендовала учебные пособия<sup>32</sup>.

По словам И. Д. Ягелло, «за последнее время... вопрос об изучении чинами административных учреждений в Туркестанском крае местных языков подвергся детальной и всесторонней разработке... Представлены в военное министерство

<sup>31</sup> «Туркестанские ведомости», 17.IX.1906.

<sup>32</sup> «Материалы по вопросу о распространении среди чинов туркестанской администрации знания туземных языков», — «Туркестанские ведомости», 19.III и 21.III.1906. — Критику заключений комиссии см.: В. В. Бартольд, *К вопросу об изучении местных языков*, — «Туркестанские ведомости», 26.IV.1906.



основные начала, на которых предполагается организовать дело изучения местных языков служащими по военно-народному управлению края, и наконец в главных городах края открыты в виде опыта вечерние платные курсы местных языков для желающих, а также откроются с 1 октября по примеру прошлого года курсы языков индустани, персидского, сартовского и английского для офицеров строевых частей округа (вместо существовавших с 1897 года курсов одного лишь языка индустани).

Таким образом в Ташкенте одновременно будут функционировать двоякого рода курсы: упрощенные для чинов администрации и штатные для офицеров.

Задачи тех и других курсов совершенно различны, и потому самые курсы не исключают, а дополняют друг друга... Курсы объединяются, однако, в том отношении, что обслуживают только служащий люд, оставляя в стороне всю молодежь, кончающую средние учебные заведения и жаждущую высшего образования»<sup>33</sup>.

Именно поэтому И. Д. Ягелло возобновлял постановку вопроса об учреждении в Ташкенте высшего учебного заведения, где бы изучались восточные языки. «С течением времени это высшее учебное заведение,— писал автор,— заменило бы если не полностью, то в значительной мере и существующие теперь курсы, офицерские и административные».

В связи с этим и последовал уже известный нам приказ генерала Д. И. Суботича о выработке окончательного проекта «об учреждении в г. Ташкенте Восточного института»<sup>34</sup>.

<sup>33</sup> И. Д. Ягелло, *Восточный Институт в Ташкенте*, стр. 2.

<sup>34</sup> Как замечает по этому вопросу И. Д. Ягелло в упомянутой выше статье его, «еще несколько раньше... при штабе округа был разработан..., а ныне уже представлен в Петербург на подлежащее утверждение проект о штатных курсах восточных языков в Ташкенте. Цель учреждения в Ташкенте штатных офицерских курсов восточных языков: 1) обеспечить войска Кавказского и Туркестанского военного округов офицерами, знающими языки Кавказа, Туркестана и сопредельных стран, а также основательно ознакомленными с бытом и устройством последних, и 2) дать соответствующую подготовку офицерам, желающим посвятить себя службе по административно-полицейскому управлению Кавказа и Туркестанского края. Соответственно этим двум целям курс предполагается разделить на два отделения — строевое и административное; срок обучения на курсах определен в два года. На курсах кроме восточных языков будут проходить еще и научные предметы — история Востока, мусульманское право, военно-статистический обзор Кавказа, Туркестана и сопредельных стран (слушатели строевого отделения)». Подробнее о Ташкентской офицерской школе восточных языков см. в кн.: Б. В. Лунин, *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в.*, Ташкент, 1962, стр. 151—157.

Надо заметить, что и на этот раз в роли оппонента выступил В. В. Бартольд.

Вспоминая предложение С. Ф. Ольденбурга об учреждении в Ташкенте «ученой школы» по типу французской школы крайнего Востока в Сайгоне (переведенной потом в Ханой) и говоря, что из русских учреждений к этому типу ближе всего подходит археологический институт в Константинополе, В. В. Бартольд писал: «Задачи подобных „школ“ не столько педагогические, сколько специально научные. Не имея ни определенных программ преподавания, ни постоянного состава учеников, они оказывают содействие и дают указания каждому исследователю, который к ним обращается.

Как бы ни смотреть на возможность существования подобной школы в Ташкенте, нельзя не признать, что этот проект не имеет ничего общего с проектом открытия высшего учебного заведения, имеющего цели чисто практические. Напрасно поэтому в своде мнений, высказанных по вопросу о распространении знаний местных языков среди служащих в крае, защитником проекта Восточного института, наряду с «Туркестанскими Ведомостями» правлением Ташкентского отделения Общества востоковедения, Советом Общества востоковедения и Н. Ф. Сайфи, — назван и С. Ф. Ольденбург...

Кроме того, представляется сомнительным, возможно ли вообще в одном и том же учебном заведении готовить людей для „всех отраслей службы“, даже если исключить сферы деятельности, безусловно требующие специальных познаний (медицина, инженерные работы, работы по орошению и т. п.). Составители устава Владивостокского института питали такие же надежды... Первый директор института направлял своих воспитанников на летние каникулы, между прочим, в конторы чайных фирм в Ханкоу, чтобы они там практиковались не только на китайском языке, но и в упаковке чаев. Не трудно понять несообразность обучения в одной и той же специальной высшей школе, по одной и той же программе — будущих дипломатов и будущих приказчиков чайных фирм», — не без иронии замечал В. В. Бартольд. — «Надо надеяться, — заключал он, — что вопреки проекту, теперь рассматриваемому в комиссии, в Ташкенте не будут повторены старые ошибки, и что при наступлении благоприятных условий инициаторы вернутся к проекту, по-видимому наиболее осуществимому, — учредить в Ташкенте коммерческое училище с преподаванием восточных языков. Если наряду с этим будут сохранены курсы местных языков для военных и гражданских служащих, то потребность края в знающих местные языки деятелях на различных поприщах государственной и частной служ-

бы будет удовлетворена без таких дорогостоящих и, по-видимому, заранее обреченных на неудачу опытов, как учреждение „Восточного института“»<sup>35</sup>.

Прав или неправ был В. В. Бартольд в своих суждениях по данному вопросу?

Вникая в содержание описываемой дискуссии, нельзя не констатировать, что В. В. Бартольд с излишней непримиримостью относился к проекту создания в Ташкенте Восточного института, который бы обеспечивал выпуск специалистов, необходимых для Туркестанского края.

В этом отношении позиция В. В. Бартольда как убежденного защитника «чистого академизма» и «высокой науки» не кажется нам неуязвимой. Одной из слабых сторон дореволюционного русского востоковедения как раз и являлась недостаточная связь учебных заведений востоковедного типа с жизнью, с современностью. Речь шла, конечно, отнюдь не о том, чтобы восточные институты готовили «будущих приказчиков чайных фирм» или, пользуясь терминологией Сайфи, «дельцов». Институты должны были готовить не только кадры ученых специалистов-востоковедов в узких областях знания (что было совершенно необходимо), но и теоретических и практических работников для Средней Азии. Кстати сказать, последние при желании могли заниматься научной деятельностью. Вспомним хотя бы Н. Ф. Петровского, А. А. Семенова и многих других.

Вместе с тем можно в какой-то мере понять и даже разделить настороженное отношение В. В. Бартольда к стремлению местных апологетов Восточного института ориентироваться в вопросах его организации на Восточный институт во Владивостоке. Практическая подготовка воспитанников данного института была сведена к созданию квалифицированных работников «административных и торгово-промышленных заведений» Дальнего Востока в полном соответствии, заметим, с задачами экспансионистской дальневосточной политики царизма и интересами русской торгово-промышленной буржуазии в ее конкретной борьбе с империалистической буржуазией других стран за рынки сырья и сбыта в странах Дальнего Востока. Такого рода откровенно обнаженные политические цели Владивостокского восточного института не

---

<sup>35</sup> В. В. Бартольд, *К проекту Восточного Института*, стр. 3. Интересно отметить, что в своих лекциях студентам востфака Петербургского университета (1900 г.) В. В. Бартольд говорил, что «офицерские классы восточных языков принесли бы гораздо больше пользы в Ташкенте, чем теперь, при Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента» (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 73, л. 23).

могли прийти по сердцу В. В. Бартольду, воспринявшему дух академического служения науке.

Что касается вопроса о наличии в Ташкенте необходимых для Восточного института научных и преподавательских кадров, то нам кажется, что В. В. Бартольд недооценивал возможностей местных деятелей. Кстати сказать, В. В. Бартольд крайне сочувственно относился к местным работникам, многих из них знал лично, с некоторыми был связан перепиской и, заметим, не раз довольно высоко оценивал их научные заслуги (В. Л. Вяткин, В. П. Наливкин, Н. П. Остроумов и др.).

И в самом деле к началу нынешнего столетия в Туркестане и прежде всего в Ташкенте сложилась по тем временам не столь уж малая группа востоковедов. Среди них были лица с солидной исламоведческой подготовкой, в совершенстве владевшие языками среднеазиатских и сопредельных с ними народов, авторы учебных пособий и руководств по изучению узбекского, киргизского и других языков. Многие туркестановеды имели немалый стаж и опыт преподавательской работы, хорошо знали жизнь и быт местных народов. Были и люди, известные своими ценными краеведческими публикациями по вопросам истории, археологии, этнографии, языкознания, знатоки восточных рукописей, норм обычного права и т. д. В. В. Бартольду все они, как и их труды, были, конечно, хорошо известны.

Уясняя позицию В. В. Бартольда, мы думаем, что он не столько проявлял недооценку местных кадров, сколько был обуреваем сомнениями. В. В. Бартольд, видимо, исходил из того, что любой восточный институт, т. е. специализированное в области востоковедения высшее учебное заведение, должно было прежде всего обладать высококвалифицированным научно-преподавательским составом с академической подготовкой, отвечающим тем высоким требованиям, которые предъявлялись в соответствующих учебных заведениях Петербурга, Москвы и других европейских центров.

И надо сказать, что под этим углом зрения местные (ташкентские) кадры действительно оказывались более или менее уязвимыми. Были налицо серьезные работы, научно плодотворные поиски и достижения, но были и проявления провинциального кустарничества, известного дилетантизма.

Вспомним здесь в качестве примера переписку В. В. Бартольда с Н. П. Остроумовым. Уж Остроумов ли не знал истории ислама и его современного положения? Никто не мог отказать ему здесь в весьма широкой эрудиции.

«Вы — лучший знаток ислама в Туркестане, только к Вам могли обратиться с просьбой о преподавании и только Вы

могли составить пособие для своего курса»<sup>36</sup>, — писал Бартольд Остроумову. И тем не менее тот же Бартольд критически относился к работам Остроумова по исламоведению, видел серьезные их недостатки как с академической точки зрения, так и с точки зрения общих взглядов Остроумова на ислам, порожденных методологией казанской школы востоковедения, плоть от плоти и кровь от крови которой он был.

В уже упомянутом письме Бартольда Остроумову мы читаем такие строки: «Что Вы сделали все, что могли, что работать при такой массе дел очень трудно, что в Ташкенте литература вообще малодоступная, — все это бесспорно, но нельзя закрывать глаза на следствие такого положения дел. Если мы с этим примиримся... если мы сами будем утверждать (как было сказано в «Туркестанских Ведомостях» о Вашей книге), что такие книги в совершенстве удовлетворяют своему назначению, мы сами закроем себе путь к научному прогрессу». Вот почему В. В. Бартольд не считал, что научные силы Туркестана способны полностью обеспечить потребность Восточного института в Ташкенте преподавательскими и исследовательскими кадрами<sup>37</sup>.

<sup>36</sup> Переписка В. В. Бартольда с Н. П. Остроумовым (Центральный государственный архив Казахской ССР, ф. Н. П. Остроумова, папка 1, пакет 19, 1911 г.). В настоящее время документы личного фонда Н. П. Остроумова переданы на хранение в Центральный государственный архив Узбекской ССР в Ташкенте (ф. 1009, оп. 1). Примеры критического отношения В. В. Бартольда к работам местных туркестановедов см. также в кн.: Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане*, стр. 230—237. Работы Остроумова по исламу написаны в духе воззрений деятелей Казанской духовной академии, питомцем которой он являлся. И. Ю. Крачковский отмечает, что на анализе книги Остроумова «Аравия — колыбель ислама» «Бартольд показал, что, не воспроизводя крайностей казанской школы, работа все же мало отвечает современному состоянию науки» (И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 189).

<sup>37</sup> Кстати, сомнение в возможности обеспечить Восточный институт в Ташкенте необходимыми кадрами высказывалось и другими авторами. Так, газета «Среднеазиатская жизнь» писала: «Прежде всего возникает вопрос: откуда же найдутся в сем граде лица, которые могли бы занять в проектируемом центре профессорские кафедры? А ведь профессорам потребуется минимум пять (арабский, персидский и турецкий языки, татарские наречия и мусульманское право). В Петербурге дело другое: там могут быть приглашены для чтения лекций профессора, как восточного факультета, так и учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел... Но совсем не то в Ташкенте. Нельзя предположить, что профессора Петербургского университета или учебного отделения восточных языков согласятся оставить столицу и переехать в Ташкент с тем, чтобы получать здесь за свой тяжелый труд самое большое 2400 рублей...» (цит. по кн. «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков», Ташкент, 1905, стр. 62).

Наконец, на взгляды Бартольда в данном вопросе не могла не влиять и коробившая его и временами действительно довольно развязная критика некоторых поборников идеи создания в Ташкенте Восточного института (Н. Ф. Сайфи) в адрес восточного факультета Петербургского университета и других старейших учебных заведений страны. Так, Сайфи писал, что «существующий с 1854 г. факультет восточных языков при С.-П. ун-те за все свое свыше полу столетие еще не выпустил ни одного лица, которое было бы вполне подготовлено по знанию языков для службы в Туркестанском крае. Это грустное и обидно-печальное явление объясняется тем, что факультет никогда не имел профессора с более или менее солидным знанием языков племен, обитающих в Средней Азии, за исключением ныне здравствующего проф. истории востока В. В. Бартольда. Покойный проф. П. М. Мелиоранский в продолжение двух учебных лет знакомил своих студентов с наречиями киргизов, кара-киргизов, нижегородских и казанских татар, азербайджанцев и пр., но о сартовском языке и вообще о сартах никогда ни одного звука не сообщал. Покойный обладал огромными знаниями по востоковедению, но, к несчастью, был совершенно бездарным педагогом. Впрочем, никто не откажется признать ту истину, что хорошие ученые могут быть вместе с тем слабыми педагогами»<sup>38</sup>.

В другом месте Сайфи писал: «Выше я говорил, что в России нет такого учебного заведения, которое готовило бы *дельцов* (курсив наш. — Б. Л.) для службы в Туркестанском крае, и повторяю, что такового мы не увидим, пока не будет открыт здесь восточный институт... Сотни тысяч рублей поглотили за время своего существования эти факультет и курсы, но мы еще не знаем такого человека, кончившего курс одного из этих учебных заведений, который бы взял на себя труд по составлению хотя бы скромного, но толкового руководства к изучению туземных языков»<sup>39</sup>. Сайфи же полагал целесообразным вообще закрыть кафедру тюркских наречий при Петербургском университете, как «приносящую очень сомнительную пользу»<sup>40</sup>.

<sup>38</sup> Н. Ф. Сайфи, *Выписка из записки «К вопросу об изучении туземных языков Туркестанского края»*, — «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков», стр. 210. В статье «К проекту Восточного института» В. В. Бартольд указывал, что ученики П. М. Мелиоранского сохранили «иное воспоминание о своем учителе».

<sup>39</sup> Там же, стр. 216, 217.

<sup>40</sup> Ср. со статьей «О Восточном институте в Средней Азии» (газ. «Новое время», 1902, № 9526), в которой рекомендовалось перевести из Москвы в Ташкент Лазаревский институт восточных языков.

Вот почему не приходится удивляться позиции, занятой В. В. Бартольд. Между тем эта позиция не могла не произвести впечатления и не оказать определенного воздействия на отрицательное отношение к вопросу о незамедлительности организации в Ташкенте Восточного института <sup>41</sup>.

Надо огovorить также, что из цитировавшихся выше статей В. В. Бартольда отнюдь, конечно, не следует вывода, что их автор высказывался в принципе против возможности и желательности организации в Ташкенте высшего учебного заведения типа Восточного института. Нет. Вспомним фразу из его статьи: «вполне сочувствуя идее уважаемого академика (С. Ф. Ольденбурга)»...

Как уже было сказано, ни высшего, ни даже среднего учебного востоковедного заведения в Ташкенте создано не было <sup>42</sup>. Однако мысль об организации такого учебного заведения или с более широким профилем продолжала жить.

Вопрос об открытии в Ташкенте высшего учебного заведения обсуждался, например, в 1916 г. в Туркестанском отделе Русского географического общества. Общее собрание членов отдела заслушало доклад инженера Г. К. Давыдова «О высшем учебном заведении в Ташкенте (Туркестанский политехникум)» <sup>43</sup>. По мнению докладчика, было желательно иметь в составе нового учебного заведения отделы: естественно-агрономический, инженерный (гидротехника, обработка хлопка), *восточный* (курсив наш. — Б. Л.), медицинский, юридический <sup>44</sup>.

Здесь, как видим, вопрос уже выносился за рамки орга-

<sup>41</sup> Отметим полную неосновательность утверждения одного из новейших авторов, что некоторые проекты создания в Туркестане Восточного института якобы исходили от В. В. Бартольда (К. Е. Бендриков, *Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924)*, М., 1960, стр. 354). Столь же бездоказательно и утверждение, что В. В. Бартольд был якобы деятельным членом Ташкентского отделения Общества востоковедения (там же, стр. 164).

<sup>42</sup> Правда, в 1907 г. было открыто Коммерческое училище с преподаванием восточных языков, но оно представляло собой частное учебное заведение (учрежденное В. Н. Дуниным-Барковским).

<sup>43</sup> О проектах создания в Туркестане высших технических учебных заведений см. также: К. Е. Бендриков, *Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924)*, стр. 355, 356.

<sup>44</sup> Упомянем, что к тому же 1916 г. относится записка группы видных русских востоковедов В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского, М. Г. Иванова, И. Ю. Крачковского, В. Л. Котвича, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского и др. «О проекте Практической Восточной Академии» (Пг., 1916). Незданные материалы по названной Академии хранятся в Ленинграде (ср. Государственный исторический архив Ленинградской области. Краткий путеводитель, Л., 1960, стр. 69; ф. 309, ед. хр. 73, 1910—1917 гг.).

низации чисто гуманитарного (востоковедного) высшего учебного заведения. Речь шла о подготовке специалистов в области народного хозяйства, техники, медицины, юриспруденции и востоковедения. Намечавшаяся Г. К. Давыдовым структура учебного заведения «почти соответствовала современной структуре Средне-азиатского Государственного университета» 30-х годов <sup>45</sup>.

Здесь уместно заметить, что своего рода наказом, завещанием дореволюционного русского востоковедения будущим исследователям Туркестанского края прозвучала речь одного из столпов отечественного востоковедения академика В. В. Бартольда, опубликованная в 1915 г., т. е. за два года до Великой Октябрьской революции <sup>46</sup>. Речь эта (как в зеркале отразившая сильные и слабые стороны взглядов дооктябрьского поколения русских ученых буржуазной школы на задачи востоковедных изысканий в Туркестане) вполне заслуживает специального анализа в историографическом плане, что выходит, однако, за рамки данной статьи.

Что касается дальнейших судеб высшего востоковедного учебного заведения в Ташкенте, то, как писал один из исследователей вопроса, «незадолго до февральского государственного переворота некоторые слои ташкентского общества увлекла мысль об основании в г. Ташкенте Туркестанского университета» <sup>47</sup>. Такое указание, однако, справедливо лишь по отношению к новой вспышке подобной мысли; впервые же, как мы видели, мысль эта возникла еще до 1917 г.

Всем сказанным выше завершался второй этап дооктябрьской истории попыток организации в Туркестане высшего востоковедного учебного заведения.

Как мы видим, несмотря на настойчивые и продуманные мероприятия научно-общественных организаций края и группы местных туркестановедов, данный вопрос так и не получил своего разрешения.

---

<sup>45</sup> «Отчет о деятельности Среднеазиатского отдела Государственного Русского географического общества с 1837 по 1927 год. Составлен секретарем Отдела И. А. Райковой», — в кн. «Отчеты за 1926—27 год и за время с 1897 по 1927 гг. (Среднеазиатский отдел Государственного русского географического Общества)», Ташкент, 1927, стр. 21, 22.

<sup>46</sup> [В. В. Бартольд], *«Задачи русского востоковедения в Туркестане. Речь академика В. В. Бартольда, предназначавшаяся для произнесения в торжественном годовом собрании Академии 29 декабря 1914 года»*, Пг., 1915 (отдельный оттиск из отчета о деятельности императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1914 г.).

<sup>47</sup> «История возникновения и начало деятельности Туркестанского Восточного института», — сб. «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», Ташкент, 1922, стр. 5—8.



Не нашел он своего практического разрешения и после 1917 г., когда наметился новый этап в истории вопроса и дело, казалось бы, стало, наконец, сдвигаться с мертвой точки.

Вскоре после Февральской революции в России ташкентская городская дума возбудила перед буржуазным Временным правительством ходатайство о предоставлении городу займа на строительство учебных заведений.

Занимая пост министра просвещения Временного правительства, С. Ф. Ольденбург обещал думе принять меры к тому, чтобы историко-филологический факультет запроектированного к открытию университета начал функционировать в январе 1918 г., а университет в целом в августе того же года, если не ранее <sup>48</sup>. Мы имеем немало оснований предполагать, что не без личного участия С. Ф. Ольденбурга научные силы Москвы и Петрограда были привлечены к практической разработке различных вопросов, связанных с организацией и деятельностью университета.

Мало кому известен тот факт, что уже в августе 1917 г. была организована специальная комиссия (в которую входили В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович, С. Ф. Ольденбург и А. Э. Шмидт), на которую была возложена задача организации историко-филологического факультета Туркестанского университета с восточным уклоном. Под председательством Н. И. Веселовского группой ученых (В. В. Бартольд и др.) были разработаны учебные планы <sup>49</sup>.

Но и на этот раз последствий не последовало. Известно, что Временное правительство вообще не предприняло сколько-нибудь существенных мер к тому, чтобы радикально двинуть вперед экономическое и культурное развитие окраин страны.

Неудивительно поэтому, что учреждение в Ташкенте высшего учебного заведения не состоялось и на этом этапе. Оно было осуществлено только в результате победы Октябрьской социалистической революции.

Великий Октябрь положил начало культурной революции также и в Средней Азии, где на территории бывшей колониальной окраины империи возникла Туркестанская Авто-

<sup>48</sup> «Туркестанские ведомости», 24.X.1917.

<sup>49</sup> И. И. Умняков, В. В. Бартольд (по поводу 30-летия профессорской деятельности), — «Бюллетень Среднеазиатского Государственного университета», Ташкент, 1926, № 14, стр. 176; см. также: А. В. Кольцов, В первые Октябрьские годы, — «Вестник Академии наук СССР», 1957, № 10, стр. 153.

номная Социалистическая Республика, а затем (1920) и народные советские республики в Бухаре и Хиве.

С первых же дней победы социалистической революции в Средней Азии Коммунистическая партия и Советское правительство во главе с В. И. Лениным уделили в числе других жизненно важных проблем серьезное внимание и организации дела высшего образования в крае. Не были забыты при этом и вопросы востоковедного образования, приобретавшего в условиях новой жизни среднеазиатских народов особое значение.

И то, что при царском режиме не могло быть осуществлено на протяжении нескольких десятков лет, практически было начато уже в 1918 г., несмотря на исключительно трудные условия того времени.

В ноябре 1917 г. на III краевом съезде Советов Туркестанского края было объявлено о создании Туркестанской Советской Республики и о вхождении ее в состав РСФСР. На этом съезде был поставлен вопрос о необходимости организации в Туркестане высших учебных заведений. В феврале 1918 г. в Ташкенте образовалось специальное Общество ревнителей высшего образования<sup>50</sup>.

И уже 21 апреля 1918 г. в Ташкенте был открыт Туркестанский народный университет (с декабря 1919 г. существовавший в качестве государственного университета)<sup>51</sup>.

Нелишне заметить, что местные (туркестанские) власти с самого начала обратились к верховным органам РСФСР, научным учреждениям и организациям Москвы и Петрограда с просьбой об оказании материально-технической и научной помощи новому учебному заведению. По просьбе прибывшего в Петроград А. А. Семенова, работа по оказанию помощи Туркестанскому народному университету (ТНУ) была сосредоточена на филологическом факультете Петроградского университета<sup>52</sup>. Активное участие в подборе преподавателей для ТНУ и решении других вопросов (1918—1919 гг.) приняли акад. В. В. Бартольд и проф. А. Э. Шмидт<sup>53</sup>.

Народный университет представлял собою своеобразный учебно-научный комбинат, объединявший различные учебные

<sup>50</sup> К. Е. Бендриков, *Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924)*, стр. 481, 482.

<sup>51</sup> Архив Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина (САГУ), № 3503, Общая канцелярия, д. 23. Краткий отчет о деятельности Туркестанского народного университета за 1918/1919 г., лл. 1—4.

<sup>52</sup> Архив САГУ, № 3517а, Туркестанский народный университет, д. 1: По организации университета, л. 48.

<sup>53</sup> Архив САГУ, № 3517а, д. 1, л. 74 об.

заведения — от курсов кройки и шитья и школы плавания до консерватории и публичной библиотеки. Осенью 1918 г. университет был реорганизован. «Вся деятельность Народного университета, — свидетельствует один из исследователей во<sup>1</sup>проса, — показала, что он не мог явиться рассадником высшего образования в Средней Азии, так как не обладал соответствующими кадрами, оборудованием и, главное, стремлением работать на дело социалистического строительства. Работники, правильно понимавшие задачи университета, желавшие отдать свои силы социалистическому строительству, не считывались единицами, партийная организация была весьма мала и неактивна. Помощь из центра не могла быть своевременно дана, так как к этому времени Туркестан оказался отрезанным от остальной части РСФСР линией фронтов»<sup>54</sup>.

Однако, несмотря на серьезные недостатки, деятельность Народного университета в целом приносила определенную пользу и отражала настойчивые попытки молодой советской власти в Туркестане заложить основы высшего образования в крае и быстро двинуть вперед дело подготовки квалифицированных кадров.

Заметим, что на торжественных актовых заседаниях университета его почетными членами были избраны известные востоковеды В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин, как «крупные ученые, своими трудами много сделавшие для познания истории Средней Азии»<sup>55</sup>.

Прежде чем удалось основать специальный Восточный институт «волей-неволей приходилось организовать занятия в Народном Университете в пределах доступного достижения. В отношении востоковедения Народному Университету пришлось ограничиться устройством не систематических, строго программных курсов, а эпизодических лекций по местной этнографии, читанных Н. Г. Маллицким, и по мусульманскому праву... Идея учреждения в крае самостоятельного высшего учебного заведения, специально предназначенного для изучения Востока вообще, а Туркестанского края в особенности во всех отношениях, зародившаяся у многих местных работников по востоковедению, получила свое первое реальное осуществление созданием инициативной группы»<sup>56</sup>.

<sup>54</sup> «XX лет Среднеазиатского государственного университета (1920—1940)», Ташкент, 1940, стр. 6, 7.

<sup>55</sup> П. Баранов, *Средне-Азиатский Университет. Исторический очерк*, — «Средне-Азиатский государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции», Ташкент, 1927, стр. 15.

<sup>56</sup> «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 4, 5.

Приказом Народного комиссариата просвещения Туркестанской АССР (№ 32 от 16 октября 1918 г.) была образована под председательством В. Н. Кучербаева инициативная группа по организации восточного факультета Туркестанского университета, в работе которой живейшее участие принимали видный туркестановед М. С. Андреев, А. А. Гаррицкий, П. Е. Кузнецов, А. Ф. Машковцев и др. Группа разработала проект Положения об институте, согласно которому институт получал статус самостоятельного специального высшего учебного заведения и должен был находиться в ведении Народного комиссариата просвещения Туркестанской АССР. Он приравнялся к факультету восточных языков Петроградского университета с четырехлетним курсом.

Выработанное инициативной группой Положение о Восточном институте было представлено в Комиссариат народного просвещения Туркестанской АССР, коллегия которого и утвердила его 8 ноября 1918 г.

Забегая несколько вперед заметим, что утверждение Положения о Восточном институте последовало значительно позднее, а именно 2 сентября 1921 г.

Задачи института определялись Положением следующим образом: научное исследование Туркестана, его истории, быта, культуры и языков местного населения; создание кадров ученых востоковедов; создание кадров практических работников, знакомых с языками коренного населения Туркестана и сопредельных стран, в культурном отношении наиболее с ним связанных<sup>57</sup>.

Институт получал права, присвоенные российским государственным учебным заведениям<sup>58</sup>.

Существенную роль в «организации и руководстве практической деятельностью в различных областях востоковедения

---

<sup>57</sup> «Руководящими основными принципами создания в крае Восточного Института являлись: а) изучение Востока в целях сообщения о нем необходимых сведений лицам, посвятившим себя той или иной деятельности в Туркестане и сопредельных странах; б) подготовка полезных осведомленных деятелей в Туркестанской Республике; в) изучение европейских наук туземцами на тюркском языке. Образовательный ценз, установленный для поступления в число студентов Института, определялся окончанием средней школы. Лица, не удовлетворяющие этого требования, допускаются в число слушателей Института не иначе как на основании постановления Совета преподавателей и после предварительного испытания, гарантирующего усвоение преподаваемых в Институте наук» [«Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 4—7]. — На практике требования относительно образовательного ценза не соблюдались столь строго, как это предусматривалось положением.

<sup>58</sup> «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 34.

играл Народный комиссариат по делам национальностей»<sup>59</sup> и состоявший при нем Центральный мусульманский комиссариат<sup>60</sup>.

С ведома и при направляющем участии Комиссариата и его органов на протяжении 1918—1921 гг. последовала, в частности, реорганизация Лазаревского института восточных языков в Москве, был создан Центральный институт живых восточных языков в Петрограде (1920)<sup>61</sup>, основана в Москве Всероссийская научная ассоциация востоковедения (1921), открыты Коммунистический университет трудящихся Востока — КУТВ (1921), Восточный институт в Киеве (1918), восточное отделение в Казанском северо-восточном археологическом и этнографическом институте (1919) и т. д.

В ноябре 1918 г. в Ташкенте начал функционировать Туркестанский восточный институт<sup>62</sup>. «Начатое дело в краткий срок увенчалось успехом: 25 ноября 1918 г. началось в Туркестанском Восточном институте чтение лекций в представленном для института национализированном доме Арифа-Ходжи-Азиз-Ходжинова, где ранее помещалось ташкентское отделение торговопромышленной фирмы „Проводник“»<sup>63</sup>.

Первым руководителем Туркестанского восточного института был Михаил Степанович Андреев, энергии которого молодой институт был обязан, в частности, хорошим помещением, скорейшим обзаведением учебным оборудованием, библиотекой, археологическими и нумизматическими коллекциями и т. п.

Нуждающиеся в помощи студенты института обеспечивались стипендией в размере 800 руб. в месяц. На первый курс было зачислено 234 человека, из которых 148 (63%) на полное четырехгодичное обучение и 86 (37%) на «неполный курс наук». 11% слушателей имели высшее образование, 51% — среднее. События, связанные с контрреволюционным осиповским мятежом в Ташкенте (январь 1919), отсутствие отопления, освещения вызвали временные затруднения в работе института, отсеив известной части слушателей. Нормальная деятельность института началась, собственно, уже с первого ака-

<sup>59</sup> А. Н. Кононов, *Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения*, М., 1960, стр. 41.

<sup>60</sup> Р. Нафигов, *Деятельность Центрального мусульманского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей*, — «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 116—120.

<sup>61</sup> Ср.: А. П. Базиянц, *Лазаревский институт восточных языков (Исторический очерк)*, М., 1959, стр. 52.

<sup>62</sup> П. Баранов, *Средне-Азиатский Университет. Исторический очерк*, стр. 27.

<sup>63</sup> «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 5.

демического полугодия 1919 г. К этому времени число записавшихся на первый курс составляло 290 человек; из этого числа, однако, на второй курс было переведено всего 19 человек.

Уже к концу первого года своего существования институт имел библиотеку, насчитывавшую 4 тыс. томов.

В течение 1920—1922 гг. удалось значительно пополнить квалифицированными силами профессорско-преподавательский состав. Это позволило в полном объеме осуществлять учебный процесс.

Предметом изучения были:

*Языки:* I. Восточные: арабский, киргизский, китайский, персидский, таджикский, пушту, урду, сартовский, узбекский, татарский, туркменский, турецкий. II. Европейские: английский, немецкий, французский.

*География:* Афганистана, Бухары, Индии, Персии, Русского Туркестана, Китайского Туркестана, Хивы.

*Этнография:* сартов, узбеков, киргизов, персов, таджиков, казахов, кара-киргизов, кара-калпаков, афганцев.

*История:* Средней Азии, ислама.

*Юриспруденция:* мусульманское право, энциклопедия права.

*Дополнительные предметы:* археология, нумизматика, практикум восточных почерков.

Языки пушту, урду, немецкий и французский отнесены были к предметам необязательным.

Начиная с третьего курса студентам предоставлялась возможность специализироваться либо по языкам турецкой группы, либо по иранской филологии, либо по исламоведению и арабской филологии.

К началу 1922/23 учебного года в институте было 210 студентов: 15 на четвертом курсе, 45 на третьем курсе, 150 переходили на второй; 16% от общего числа слушателей были представителями местных национальностей.

Институт имел 5 профессоров, 21 преподавателя, 4 лектора, 4 практиканта.

На основном отделении преподавались:

I. Группа историческая и географическая.

1. История древнего Востока.

2. История древней Персии.

3. История мусульманского Востока:

а) история халифата;

б) история мусульманской Персии;

в) история Туркестана;

- г) новейшее время.
4. История древней Индии.
5. География и история Афганистана.
6. История киргизского народа.
7. История взаимоотношений Востока и древней Руси.
8. География Западного Туркестана.
9. Историко-географический обзор Восточного Туркестана.
10. Географический обзор Персии.
11. Этнография:
  - а) общий курс;
  - б) турецкие народности;
  - в) иранские народности.
- II. Группа культурно-историческая:
  - А. Духовная культура:
    1. Исламоведение.
    2. История мусульманской догматики и экзегетики.
  - Б. Материальная культура:
    1. История мусульманского искусства.
    2. Мусульманская нумизматика.
- III. Группа философская:
  1. История древней философии.
  2. История арабской философии.
  3. История средневековой схоластической философии.
- IV. Группа филологическая:
  1. Введение в языкознание.
  2. Введение в турецкую филологию.
  3. Введение в иранскую филологию.
  4. Сравнительное языкознание.
  5. Турецкие языки и литература.
  6. Иранские языки (персидский и таджикский) и литература.
  7. Арабский язык и литература.
  8. Английский язык.
  9. Немецкий язык.
  10. Французский язык.
  11. Санскрит.
  12. Индустани (урду).
  13. Пушту.
  14. Древнееврейский язык.
  15. Сирийский язык.
  16. Китайский язык.

V. Группа общественных наук:

1. Мусульманское право.

2. Советская конституция<sup>64</sup>.

При институте было создано Практическое отделение для подготовки слушателей (начиная с III курса) к работе в различных органах управления края<sup>65</sup>. В составе отделения был педагогический разряд, выпускавший преподавателей родного языка, быта и истории для местных школ из лиц коренного населения.

На Практическом отделении вводилось преподавание следующих дисциплин: введение в обществоведение и статистику, экономическая география и экономика Туркестана, история колонизации на Востоке, история хозяйственного быта Туркестана, международное право и международная торговля. Студенты отделения освобождались от слушания целого ряда филологических и лингвистических курсов.

Финансово-хозяйственные затруднения не позволили широко развернуть деятельность Практического отделения<sup>66</sup>.

По инициативе Туркомстариса<sup>67</sup> Восточный институт поднимал вопрос об открытии при институте особого археологического цикла «для подготовки квалифицированных археологов, в которых в Туркестане чувствуется настоятельная нужда». Практически организовать подобный цикл в полном объеме не удалось из-за отсутствия на месте достаточного количества квалифицированных преподавателей.

По данным конца 1922 г., среди профессоров и преподавателей, читавших лекции в институте по востоковедным дисциплинам, были:<sup>68</sup>

<sup>64</sup> «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 28—30.

<sup>65</sup> Проект организации Практического отделения был утвержден коллегией Наркомпроса ТАССР 17 сентября 1922 г.

<sup>66</sup> После присоединения в 1924 г. института к университету на правах восточного факультета, Практическое отделение было упразднено, так как его задачи совпадали с задачами существовавшего тогда в университете факультета местного хозяйства и права.

<sup>67</sup> Туркомстарис — Комитет по делам музеев, а позднее памятников старины, искусства и природы, был образован в составе Народного комиссариата просвещения ТАССР 23 мая 1921 г. [М. Е. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (часть I-я; до первой послевоенной пятилетки)*, — «Труды Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина», Новая серия, вып. XXXI, *Исторические науки*, кн. 12, *Археология Средней Азии*, Ташкент, 1956, стр. 17; И. И. Умняков, *Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии*, — «Известия Среднеазиатского комстариса», вып. I, Ташкент, 1926, стр. 43—54].

<sup>68</sup> «Профессора и преподаватели, читающие в настоящее время лекции в ТВИ», — «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 98—100.



1. Профессор Александр Эдуардович Шмидт, ректор института (исламоведение, мусульманское право, мусульманская экзегетика и догматика, история арабской литературы, арабский язык).

2. Профессор Александр Александрович Семенов (введение в иранскую филологию, персидская филология, персидская литература, персидский язык на старших курсах).

3. Преподаватель Александр Александрович Гаррицкий, проректор института (историко-географический обзор Восточного Туркестана, географический обзор Персии, чтение персидских газет).

4. Преподаватель Абубекр Ахмеджанович Диваев (этнография киргизов, киргизский язык).

5. Преподаватель Михаил Степанович Андреев (персидский язык, этнография таджиков, историко-географический обзор Афганистана, таджикские наречия).

6. Преподаватель Петр Евдокимович Кузнецов (узбекский язык).

7. Преподаватель Николай Гурьевич Маллицкий (география Западного Туркестана, экономическая география Туркестана, этнография сартов).

8. Преподаватель Петр Эдуардович Вундцеттель (история Древнего Востока).

9. Преподаватель Б. А. Пестовский (китайский язык).

10. Преподаватель Александр Васильевич Панков, заведующий библиотекой института (история киргизского народа).

11. Преподаватель Абдурахман Саади (татарский язык).

12. Практикант Мирза Тагиев (персидский язык).

13. Практикант Мирза Ибрагим (персидский язык).

14. Практикант Бадаль Кариев (узбекский язык).

15. Практикант Ван Цзи-мин (китайский язык) и др.

С 1 февраля 1921 г. в преподавательскую работу по Восточному институту включился воспитанник факультета восточных языков Петербургского университета Иван Иванович Умняков, впоследствии профессор, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, известный советский востоковед<sup>69</sup>.

<sup>69</sup> Об И. И. Умнякове см.: Б. В. Лунин, *Иван Иванович Умняков, как ученый востоковед и общественный деятель*, — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 158—168. — Курс истории мусульманского востока читался И. И. Умняковым в Восточном институте до лета 1921 г., и затем (по возвращении из Петрограда, где он совершенствовал свои знания, занимаясь у академиков В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга и др.) И. И. Умняков возобновил чтение лекций в Институте (потом на востфаке САГУ). Автор благодарит И. И. Умнякова за ценные советы при написании данной статьи.

Как видно из приведенного списка, институт располагал весьма обширным преподавательским составом; в этом списке мы встречаем, в частности, таких видных исследователей, как крупнейший исламовед — знаток «внутренней истории ислама преимущественно поздних веков»<sup>70</sup> член-корреспондент Академии наук СССР А. Э. Шмидт (1871—1939) (до переезда в Ташкент в 1920 г. — профессор Петроградского университета по кафедре арабской словесности); видный туркестановед, этнограф, историк культуры среднеазиатских народов, их искусства, обычаев и представлений, член-корреспондент Академии наук СССР М. С. Андреев (1873—1948)<sup>71</sup>; неутомимый собиратель и знаток фольклора народов Средней Азии А. А. Диваев (1856—1932)<sup>72</sup>, известный географ, историк и этнограф Средней Азии Н. Г. Маллицкий (1873—1947)<sup>73</sup>; выдающийся знаток истории Средней Азии и восточных рукописей, крупный специалист по истории исмаилитов иранист А. А. Семенов (1873—1958)<sup>74</sup>; И. И. Умняков и другие, образовавшие основное ядро преподавательского состава института. Такие ученые, как М. С. Андреев, А. Э. Шмидт, А. А. Семенов, И. И. Умняков, были учителями многих десятков молодых исследователей, ставших впоследствии широко известными своими научными работами.

<sup>70</sup> И. Ю. Крачковский, *Записка об ученых трудах А. Э. Шмидта*, — «Приложение к протоколу X заседания Общего собрания Академии наук СССР 5 декабря 1925 г.», стр. 142—144; И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 145, 222, 227, 241, 244, 276.

<sup>71</sup> А. К. Писарчик, *Михаил Степанович Андреев (1873—1948)*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР», т. СХХ, 1960, стр. 3—20; Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане*, стр. 86—87, 95—96.

<sup>72</sup> Б. В. Лунин, А. А. Диваев, как археолог-краевед — «Известия Академии наук Узбекской ССР», серия общественных наук, 1957, № 1, стр. 73—77; Н. С. Смирнова, А. А. Диваев — фольклорист (К столетию со дня рождения), — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1957, № 1 (142), стр. 32—40; Г. Н. Валиханов, *Этнография казахского народа в трудах А. А. Диваева*, — «Советская этнография», М., 1958, № 5, стр. 61—70.

<sup>73</sup> Л. В. Ошанин, *Николай Гурьевич Маллицкий*, — «Труды Узбекстанского географического общества», т II (XXI), Ташкент, 1948, стр. 166—170; Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане...*, стр. 83—85, 94, 95.

<sup>74</sup> В. В. Бартольд, *Александр Александрович Семенов (Жизнеописание)*, — «Известия Российской Академии наук», серия 6, 1918, № 14, стр. 1491, 1492; «Библиография научных работ А. А. Семенова», сост. Д. Г. Вороновский, — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР», т. XVII, Душанбе, 1953, стр. 7—24; Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане...*, стр. 82, 83, 94; Б. В. Лунин, А. А. Семенов, — «Советская археология», 1959, № 2, стр. 299, 330.

По сути дела мы вправе говорить о появлении в крае местных научных школ, связанных с именами А. Э. Шмидта (арабистика), М. С. Андреева (этнография) и др.

Надо отметить, что приведенный выше список преподавателей должен быть дополнен именами ученых, сотрудничавших в институте до 1922 г. Среди них В. В. Бартольд, читавший специальный курс «История Туркестана»<sup>75</sup>, С. Е. Ма-лов, Е. Д. Поливанов, И. И. Зарубин, П. А. Фалёв и др.

Особо должна быть отмечена издательская деятельность Восточного института, начало которой восходит к 1919 г. Институт подготовил и выпустил в свет литографированные и стеклографированные учебные пособия и издания текстов на узбекском, персидском и арабском языках: 1) «Терма-ки-таб» (из хрестоматии В. П. Наливкина на узбекском языке, 1919); 2) «Тимур-намэ» (на персидском языке, 1920); 3) «Ту-ти-намэ» (на персидском языке, 1920); 4) «Рассказ первого дервиша». Из книги «Чаар дервиш» (на персидском языке, 1919); 5) А. А. Семенов, «Образцы таджикских официальных документов» (1922); 6) отрывок из «Анвар-и-Сухэйли» (Хусейн Ваиз-Кашефи); 7) «Отрывки из жития Мухаммеда по Ибн-хишаму» (1923); 8) «Первенцы счастья. Трактат по вопросам семейного и наследственного права» (Ибн-Абу-Зайд) (1923); 9) «Чанд Хикояги Фарси». Рассказы на персидском языке (1924); 10) «Арабская хрестоматия» первого арабиста из русских В. Ф. Гиргаса и его ученика и друга акад. В. В. Розена (1923); 11) «Арабско-русский словарь» (к хрестоматии Гиргаса и Розена) (1924)<sup>76</sup>.

В 1922 г. Туркестанским восточным институтом был, в частности, издан на правах рукописи цикл лекций безвременно скончавшегося талантливое востоковеда П. А. Фалёва по введению в изучение тюркских литератур и наречий<sup>77</sup>.

В 1923 г. институт издал специальный сборник ценных

<sup>75</sup> Конспект лекций по курсу был издан: В. В. Бартольд, *История Туркестана*, Ташкент, 1922.

<sup>76</sup> См. «К издательской деятельности САГУ», — в кн. «Систематический указатель к изданиям Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина (1922—1956 гг.)», сост. О. В. Маслова, Ташкент, 1958, стр. 7.

<sup>77</sup> [П. А. Фалёв], *Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Лекции, читанные профессором П. А. Фалёвым в 1921 г. в Туркестанском Восточном Институте*, Ташкент, 1922. О Фалёве см.: Н. А., П. А. Фалёв. Некролог, — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. XI, Ташкент, 1922, стр. 104; И. И. Умняков, *Памяти проф. П. А. Фалёва*, — «Восток», (студенческий журнал Туркестанского восточного института), Ташкент, 1923, № 6, стр. 15—20. В архиве В. В. Бартольда хранится писанное его рукой краткое жизнеописание Фалёва (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 249, л. 5, 6).

статей и работ, посвященных профессору Александру Эдуардовичу Шмидту<sup>78</sup>. В сборнике приняли участие как представители старшего поколения туркестановедов (М. С. Андреев, Е. К. Беггер, В. Л. Вяткин, А. А. Диваев, П. Е. Кузнецов, Н. Г. Маллицкий, А. А. Семенов, И. И. Умняков и др.), так и студенты (П. П. Иванов, А. Л. Троицкая, К. К. Юдахин и др.).

Ко дню своего четырехлетия (27 декабря 1922 г.) институт выпустил изданный стеклографическим способом сборник<sup>79</sup>.

Помимо общего очерка истории института в нем были даны: «Положение о Туркестанском Восточном институте применительно к положению высших учебных заведений РСФСР», «Распределение предметов по курсам на Основном Отделении Т.В.И.», программа (ТВИ), список «Профессора и преподаватели Т.В.И.» и «Условия приема в Т.В.И.»<sup>80</sup>.

<sup>78</sup> «Сборник Туркестанского Восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 г.)», Ташкент, 1923; «О выпуске Туркестанским Восточным институтом сборника в честь проф. А. Э. Шмидта», — «Бюллетень Средне-Азиатского Государственного университета», вып. 6, Ташкент, 1924, стр. 173, 174. — А. Э. Шмидт скончался в Ташкенте 9 августа 1939 г. [род. 12(25) марта 1871 г.], проработав в Туркестане без малого 20 лет. Заметим, что А. Э. Шмидтом была выполнена серия переводов арабских источников по истории Средней Азии, оставшихся, к сожалению, неизданными.

<sup>79</sup> «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 101.

<sup>80</sup> В 1922 г. в Ташкенте была образована Научная восточная комиссия, с одной стороны, как междуведомственный орган представительства НКВД и НКВТ в Средней Азии, а с другой — как Туркестанский филиал Всероссийской ассоциации востоковедения в Москве.

Основной задачей комиссии было изучение современной жизни стран Средней Азии, сопредельных с Туркестаном, а также освещение «тех политико-экономических вопросов, кои возникают на почве теперешних взаимоотношений между Россией и странами Среднего Востока».

К августу 1922 г. комиссией были подготовлены к печати следующие работы: А. А. Семенов, *Очерк центрального управления Бухары во времена эмиров*; А. А. Семенов, *Очерк провинциального управления Бухары*; И. И. Палюкайтес, *Исторические предпосылки для экономического объединения Хивы, Бухары и Туркестана*; И. И. Крылов, *Государственные реформы 1921 года в Афганистане*; Б. Усатенко-Червонный, *Англо-афганский договор 1921 г.*

Кроме того, членами комиссии были прочитаны публичные доклады: проф. Л. В. Успенский — *Догматический анализ конституции Бухарской Советской Народной Республики*; проф. И. И. Крыльцов — *Афганские договоры 1921 года*; Б. Усатенко-Червонный — *Анализ англо-афганского договора 1921 года*; Ю. И. Пославский — *Метрология и денежные системы Средней Азии* (см. «Научная жизнь Туркестана», Отдельное приложение к журналу Туркнаркомпроса «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, стр. 8, 9).

Существенным достижением в работе института явилось образование при нем силами преподавательского состава мюнц-кабинета<sup>81</sup>, в котором, кроме обширного и хорошо подобранного нумизматического собрания<sup>82</sup>, имелись небольшие археологические коллекции<sup>83</sup> и образцы восточных рукописей. Материалы кабинета широко использовались как в научных целях, так и в качестве наглядных учебных пособий.

И. И. Умняков писал в связи с четырехлетием института: «За сравнительно короткий период своего существования Институт, положение которого, в зависимости от тех или иных обстоятельств, временами было очень неустойчивым, не мог осуществить крупных проблем научного характера, но и то, что уже сделано, свидетельствует о редких организационных талантах его деятелей и правильно понятых задачах Института. Создана библиотека, насчитывающая до 5300 томов и 200 рукописей по самым разнообразным отраслям востоковедения, собраны ценные археологические и нумизматические коллекции, поставлено на твердую почву преподавание языков, истории, этнографии народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока»<sup>84</sup>.

С 1921 г. успешно функционировал на протяжении ряда лет научный кружок Восточного института<sup>85</sup>. Первым руководителем кружка был И. И. Умняков

<sup>81</sup> Архив САГУ, № 555, Общая канцелярия, д. 35, Годовой отчет о работе восточного факультета САГУ, 1925, лл. 64—66.

<sup>82</sup> В составе нумизматических собраний в 1924 г. находилось 1105 экземпляров монет, чеканенных в Средней Азии и сопредельных странах (Китай, Иран, Афганистан), и др. Собрания пополнялись за счет покупок, а главным образом за счет пожертвований преподавателей, студентов и других лиц. В частности, студент института Бычков преподнес в дар кабинету «золотой индо-сасанид из термезского клада». Впоследствии мюнц-кабинет перешел в ведение вновь образованного восточного факультета САГУ, также заботившегося о пополнении собраний кабинета (там же, лл. 65, 66). Был подготовлен к печати «инвентарный каталог мусульманских монет».

<sup>83</sup> В археологических коллекциях имелись изделия из бронзы и стекла, резные камни, глиняные сосуды, оссуарии (целые и в фрагментах) и особо ценное собрание среднеазиатских терракотовых статуэток и головок.

<sup>84</sup> И. И. Умняков, *Из материалов для истории Восточного института в Ташкенте*, — «Восток», 1923, № 6, стр. 3.

<sup>85</sup> В 1928 г. был издан первый выпуск сборника работ участников кружка: «Сборник научного (студенческого) кружка при Восточном факультете при Средне-Азиатском государственном университете», вып. I, Ташкент, 1928]. — Сборник содержал перечень прочитанных на его заседаниях докладов, рефератов и сообщений. В сборнике были опубликованы следующие статьи: Г. В. Андреев, *Отражение басмачества в народном творчестве Таджикистана. Басмачество в частушках*; А. М. Балубаева-Голяковская, *Погребальные обряды у казаков Акмолинской губернии*; А. К. Боровков, *Игры узбекских детей*; Е. К. Боровкова, *Аист и связан-*

На заседаниях кружка с докладами и сообщениями выступили Н. Г. Маллицкий («Краткий обзор старого Ташкента»), Н. Э. Вундцеттель («О нумизматике»), И. И. Умняков («Исторический очерк города Самарканда», «Роль студенчества в краеведческой работе»), П. А. Фалёв («Армянофильские идеи в Турции»), А. А. Семенов («Исторический очерк исмаилизма»), А. В. Панков («Классификация наук»), Е. Д. Поливанов («Бродячие сюжеты в Ташкентской сказке»), Б. А. Пестовский («Театр и поэзия современных бухарских евреев», «О поездке в Кашгарию летом 1926 года»), И. Д. Виноградов («Психология и этнография»), М. Ф. Гаврилов («К характеристике литературного течения в Средней Азии начала XIX века — эпоха эмира Омара-хана»), М. С. Андреев («О методах проведения летней практики») и др.<sup>86</sup>

Отсылая заинтересованных читателей к полному перечню читавшихся в 1921—1927 гг. на заседаниях кружка докладов и сообщений, опубликованных, как отмечено выше, в первом (и единственном) сборнике кружка, приведем здесь (в подстрочном примечании) в дополнение к этому перечню список докладов и сообщений, читавшихся в 1928 и 1929 гг. (более поздних списков в печати, насколько нам известно, не появлялось)<sup>87</sup>.

*ные с ним приметы и поверья у местного населения; В. Дружинин, Материалы по фольклору узбеков; А. Е. Маджи, Кабул; Л. А. Семенова, Персидский революционный марш (вариант); О. А. Сухарева, Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков к. Шахристана; З. Л. Амيتين-Шапиро, Предание о постройке первой синагоги в г. Бухаре.*

<sup>86</sup> Некоторые профессора и преподаватели участвовали в работах организованного, в сентябре 1920 г. научного общества при гуманитарных факультетах САГУ, председателем которого был А. Э. Шмидт. С докладами в заседаниях общества выступали Б. А. Пестовский, С. П. Покровский, Е. Д. Поливанов, А. А. Семенов, А. Э. Шмидт, П. А. Фалёв и др. («Научная жизнь Туркестана», Ташкент, 1922, стр. 17, 18). В одном из первых заседаний общества (14 ноября 1920 г.) был заслушан доклад В. В. Бартольда (В. В. Бартольд, *Ближайшие задачи изучения Туркестана*, — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 11—111).

<sup>87</sup> Хлыновская, *Ашхабадская бежаистская община*; А. В. Панков, *О восстании киргиз*; Ю. А. Соколов, *Положение узбекской школы*; П. П. Введенский, «Адин» как образец новейшей таджикской литературы; А. А. Семенов, *О методах проведения летней практики*; Х. Шольд, *Об исследовании Памирского района*; М. Ф. Гаврилов, *О некоторых интересных обычаях среди полукочевых узбеков*; П. П. Введенский, *Административное деление Таджикистана за время первых мангитов*; Г. В. Андреев, *В стране басмачества*; Мухамеднев, *Об уйгурском языке*; С. Е. Паластров, *О миграции сказки «Алдаркула» среди узбеков*; Попов, *Итоги конференции по латинизации таджикского алфавита*; И. А. Кисен, *Критика учебников узбекского языка Пономарева, Громатовича и Вяткина, составленных на латинском алфавите*; П. П. Введенский, *Современные поэты и*

Библиографической редкостью стал издававшийся стеклографическим способом студенческий журнал под названием «Восток». В первом номере, посвященном 25-летию научной и педагогической деятельности ректора института проф. А. Э. Шмидта, мы находим краткий очерк жизни и деятельности А. Э. Шмидта<sup>88</sup>.

В № 6 журнала за тот же год, вышедшем в связи с пятилетием института (1918—1923), отмечалось, что «первой и самой важной функцией Института было „выкачивание“ из местного населения живой части молодежи, которая, будучи уже сама „восточной“, смогла бы, с одной стороны, познать все многообразие жизни Востока и на основе этих знаний и интуиции легче справиться с теми проблемами, которые возложены историей на Туркестан, как на революционный источник для всего Востока, и, с другой стороны, влиять на ту европейскую часть нашего Института, которая приобщилась к работе для Востока».

Положение дел в Восточном институте в значительной мере являлось отражением той обстановки, которая имела место в первые годы Советской власти во всех высших учебных заведениях, особенно гуманитарных и, в частности, во-

---

писатели Персии (поэт-лирик Абдуль-Касым Ареф Казвини); Мухамедиев и Омаров, *Итоги конференции сторонников казанского алфавита*; А. Э. Шмидт, *История возникновения мусульманских религиозных праздников*; Исмаили и Коблов, *О новом латинизированном узбекском алфавите (в связи с заседаниями Ташкентской окружной конференции комитетов латинизации)*; А. С. Морозова, *Материалы по кара-калпакскому языку*; Петров, *Город Джизак в прошлом и настоящем*; А. М. Голяховская, *Социально-бытовая среда — круг представлений казахского народа*; М. Ф. Гаврилов, *Наименование месяцев у некоторых турецких народностей Средней Азии*; Тихомиров, *Казакская община*; М. Цвибак, *Итоги конференции историков-марксистов в Москве*; Чернявский, *Киевская Русь*.

<sup>88</sup> «Восток», 1923, № 1(5): А. А. Семенов, *Хеким Сепайи Газневидский*; М. С. Андреев, *Из поездки в 1916 году в Нур-Атинские горы и прилегающую к ним часть Кызыл-Кумов*; Арбенин, *Из дневника студента Т.В.И.* (строки, навеянные юбилеем А. Э. Шмидта); Элизов, *Крупное открытие в Египте (гробница фараона Тутанхамона)*. В номере опубликованы переводы из Омар Хайяма и Низами, а также студенческие стихотворения. Уместно отметить, что одним из редакторов журнала был студент института М. И. Швердин, впоследствии один из известных писателей Узбекистана.

В № 6 журнала «Восток» помимо отмеченной выше статьи И. И. Умнякова напечатаны: Е. Д. Поливанов, *Латинский шрифт в турецких письменностях*; А. В. Панков, *Средневековые теории и начало русского государства*; «Смерть эмира Хабибуллы Хана Авганского в связи с младо-авганскими выступлениями», пер. с английского; И. И. Умняков, *Памяти проф. П. А. Фалёва (1888—1922)*. Кроме того, в журнале опубликованы литературно-художественные заметки «Обзор студенческой жизни 22—23—24 гг.», «Из жизни комячейки Т. В. И.» и др.

стоковедческих, а равно и в сфере науки вообще, востоковедения в частности.

К Восточному институту и Востфаку тех лет полностью применимы слова, что «в первые годы после Октября советское востоковедение сложилось еще из различных научных направлений и школ, многие из которых вначале не могли понять и творчески применить учение марксизма-ленинизма. В последующие годы в советском востоковедении стало господствовать марксистское направление»<sup>89</sup>.

Весной 1924 г. был поставлен вопрос о целесообразности слияния Туркестанского восточного института с Среднеазиатским государственным университетом. Было решено «влиять Туркестанский Восточный институт в САГУ в качестве самостоятельного факультета»<sup>90</sup>. Структура института не подверглась при этом существенному пересмотру. Однако его Практическое отделение было упразднено и функции последнего перешли к факультету местного хозяйства и права. Учебные программы были дополнены некоторыми общественно-политическими дисциплинами, общеобязательными для всех гуманитарных высших учебных заведений. Присоединение Восточного института к САГУ было оформлено постановлением Совнаркома РСФСР 16 сентября 1924 г.

К концу 1924 г. структура восточного факультета САГУ (при четырехлетнем курсе обучения) была такова: первые два курса — общие, с третьего курса начиналась специализация по отделениям и разрядам. Факультет имел два отделения: 1. Этнолого-лингвистическое с разрядами: а) турецкой филологии, б) иранской филологии и в) исламоведения и арабской словесности. 2. Педагогическое.

Деканом факультета был проф. А. Э. Шмидт. Под его же председательством был образован Совет факультета, почетными членами которого состояли В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин.

На факультете читался курс истории Востока, охватывавший историю древнего Востока (доцент Н. Э. Вундцетель), историю арабского халифата (И. И. Умняков), историю Средней Азии (И. И. Умняков), историю колониальных

---

<sup>89</sup> Б. Г. Гафуров, *Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС*, — «Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958, стр. 24.

<sup>90</sup> «Присоединение Туркестанского Восточного Института к Средне-Азиатскому университету», — «Бюллетень Средне-Азиатского Государственного университета», вып. 7, 1924, стр. 46. См. также: А. Э. Шмидт, *Востоковедение в Туркестане*, — «Новый Восток», М., 1924, стр. 512—514.



стран Востока (проф. С. П. Покровский; историю Афганистана позднейшего времени читал М. С. Андреев)<sup>91</sup>.

Восточный факультет готовил квалифицированных ориенталистов для научно-исследовательской работы в Средней Азии, а также для работы в государственных органах. Педагогическое отделение выпускало преподавателей русского языка и обществоведения для местных (нерусских) школ и местных языков для русских школ второй ступени.

Руководство университета и восточного факультета так определяли задачи, стоявшие перед новым факультетом и его отличительные от высших учебных заведений центра черты: «В первую очередь Востфак задается целью дать своим питомцам не только теоретическое, но и возможно основательное практическое знакомство с местным языком. Вместе с тем, считаясь с разношерстным составом населения Средней Азии, Востфак не считает возможным ограничиваться специальным изучением лишь одного только из местных языков, как это делается в востоковедных вузах центра: предоставляя слушателям возможность основательной специализации по одному из местных языков, Востфак САГУ дает своим слушателям также по другим местным языкам исторические познания в таком объеме, что при желании или в случае необходимости они вполне подготовлены к быстрому практическому их изучению. Этим обстоятельством объясняется некоторая нагруженность программы Востфака САГУ по сравнению с программами востоковедных вузов центра, но зато Востфак ежегодно выпускает кадры работников, которые в силу углубленного знания местных языков с пользой для края могут сотрудничать в различных учреждениях. Но углубленное теоретическое изучение местных языков имеет чрезвычайно важное функциональное значение для края, главным образом для задач, преследуемых ведомством просвещения, ибо оно дает окончившим курс Востфака возможность принять близкое участие в работе по созданию учебников на местных языках и по созданию необходимой для этого учебной и научной терминологии на местных языках...

Но несмотря на пристальное внимание, уделяемое изучению местных языков на Востфаке, им не исчерпывается увязка его учебного плана с запросами края. Принимая во внимание чрезвычайно пестрый этнический состав республик

<sup>91</sup> До открытия кафедры антропологии биологического факультета САГУ (весна 1938) на восточном факультете с 1925 по 1929 г. (и с 1925 по 1934 на медицинском факультете) читался курс антропологии, который вел Л. В. Ошанин (Б. В. Лунин, *Лев Васильевич Ошанин*, — «Из истории материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 7).

Средней Азии, разнообразные условия быта и правовых воззрений, а равно и разнообразные климатические и экономические условия, учебные планы Востфака обеспечивают его слушателям основательное знакомство с физической и экономической географией и этнографией Средней Азии.

Это обстоятельство в прошлом уже дало возможность студентам ТВИ, задачи которого ныне преимущественно выполняются Востфаком, с большою пользою для дела принимать участие и в статистических переписях, и в экономических и финансовых обследованиях края, и в сборе материалов для этнографической карты Среднеазиатских республик столь неизбежно необходимых при разрешении всех вопросов, связанных с национальным размежеванием»<sup>92</sup>.

Для разработки новых методов преподавания и учебных планов, учета академической успеваемости студентов при факультете была образована предметная комиссия в составе А. А. Семенова (председатель), М. С. Андреева (заместитель председателя), А. Э. Шмидта, С. Е. Малова, Е. Д. Поливанова, Н. Н. Фиолетова, Н. Э. Вундцеттель, А. А. Гаррицкого, М. Ф. Гаврилова, П. Е. Кузнецова, Н. Г. Маллицкого, И. И. Умнякова и др.<sup>93</sup>.

Факультет зарекомендовал себя активной научной деятельностью его преподавательского (в 1927 г. 9 профессоров, 14 доцентов, 10 ассистентов) и студенческого состава в области изучения этнографии и археологии Средней Азии (участие в экспедициях Средазкомстариса, Общества для изучения Таджикистана и др.).

Поучительно, что студенты старших курсов вели педагогическую работу по преподаванию местных языков в русских школах второй ступени, а также преподавали различные предметы в туземных инпросах на языках местного населения.

Число студентов факультета составляло: в 1925 г. — 185 человек, в 1926 г. — 194, в 1927 г. — 207, в 1928 г. — 217 человек<sup>94</sup>.

<sup>92</sup> Имеется в виду так называемое национально-государственное размежевание Средней Азии, осуществленное по указаниям В. И. Ленина в соответствии с чаяниями и запросами широких народных масс.

<sup>93</sup> Архив САГУ, д. 555, Востфак, 1925, Общая канцелярия САГУ, д. 35. Годовой отчет о работе восточного факультета, лл. 14—15. — Существовала также предметная комиссия педагогического отделения факультета.

<sup>94</sup> П. Баранов, *Средне-Азиатский Университет. Исторический очерк*, — «Средне-Азиатский Государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции», Ташкент, 1927. — Из заметки «Студенчество Т.В.И.» мы узнаем, что «в первые годы своего существования (Восточный институт) по своему составу студенчества выделялся даже среди далеко непролетарских других вузов Ташкента и лишь упорная борьба за

Продолжая начинания Восточного института, факультет осуществлял выпуск литографированных и стеклографированных изданий текстов на восточных языках в помощь студентам. В 1926 г. были отпечатаны следующие стеклографические издания: 1. «Поход Надир шаха на Индию». Из книги «История движений турок в Индию». 2. Извлечение из книги Фердоуси «Шах-намэ; История Захака» (1926). 3. С. Е. Малов, «Образцы древне-турецкой письменности» с предисловием и словарем (1926). Силами преподавателей в помощь студентам и краеведам составлялись и издавались стеклографическим способом различные инструкции по собиранию материалов к истории и этнографии края<sup>95</sup>.

В 1926 г. по постановлению Совета восточного факультета была издана работа В. В. Бартольда «Иран»<sup>96</sup>.

В 1927 г. вышел по праву стяжавший широкую известность сборник «В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели». Сборник был издан Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, но в предисловии указывается, что мысль об издании сборника зародилась в стенах профессорской комнаты восточного факультета Среднеазиатского государственного университета осенью 1925 г.; впоследствии к этой мысли присоединились и другие научные деятели Средней Азии, которые внесли свою долю участия в содержание сборника<sup>97</sup>.

В 1929 г. был выпущен «Конденсированный курс грамматики узбекского языка», составленный силами научного кружка восточного факультета<sup>98</sup>.

расслоение (22—23 годы) дала результаты». В составе 240 студентов было 27 коммунистов, 19 комсомольцев, 139 членов профсоюзов, 55 «прочих». По социальному положению насчитывалось 123 служащих, 47 земледельцев, 15 ремесленников, 43 рабочих. По национальному составу: русские — 168, белоруссы — 2, украинцы — 6, узбеки — 2, татары и ногайцы — 11, киргизы — 3, башкиры — 1 и т. д. Таким образом, количество представителей коренных местных национальностей было тогда еще незначительным. В возрастном отношении преобладали лица от 22 до 27 лет (М. Швердин), *Студенчество Т.В.И.*, — «Восток, 1923, № 6, стр. 27—31).

<sup>95</sup> Ср., например, «Руководство для собирающих сведения об узбекских родах и особенностях их языка» (Ташкент), 1927 (экземпляр «Из книг бр. Жуковых», ныне в собрании автора).

<sup>96</sup> В. В. Бартольд, *Иран. Исторический обзор*, — «Труды Восточного факультета Средне-Азиатского Государственного университета», Ташкент, 1926.

<sup>97</sup> «В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.

<sup>98</sup> К 1929 г. относится постановка по инициативе преподавателей Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина (в том числе преподавателей востфака) вопроса о выработке единого плана сбора исторических и географических источников о Средней Азии.

Достойно быть особо отмеченным, что из среды слушателей и воспитанников Восточного института (позднее восточного факультета САГУ) вышел ряд советских исследователей Средней Азии, приобретших впоследствии известность и признание своими работами: языковеды А. К. Боровков, Р. Л. Неменова, К. К. Юдахин, историки П. П. Иванов, А. Е. Маджи, Ю. А. Соколов, археолог В. А. Шишкин, этнографы Н. Н. Ершов, А. С. Морозова, В. Г. Мошкова, Е. М. Пещерева, О. А. Сухарева, А. Л. Троицкая, библиографы З. Л. Амитин-Шапиро, Е. К. Бегтер и др.

Основанный на базе Восточного института восточный факультет САГУ существовал до 1931 г. (в 1930 г. он был преобразован в педагогический факультет), когда последовало временное прекращение его деятельности. «В 30-х годах были ликвидированы некоторые институты востоковедения и частично растеряны кадры высококвалифицированных ученых»<sup>99</sup>.

Впрочем, работа САГУ в области востоковедения после ликвидации востфака все же не прервалась: в значительной мере она протекала в рамках других гуманитарных факультетов.

В 1935/36 учебном году в составе САГУ был открыт исторический факультет; в состав обязательных предметов входила история Средней Азии, а в 1938/39 учебном году была образована самостоятельная кафедра истории Средней Азии, которой ведал К. Е. Житов (в сентябре 1941 г. она объединилась с кафедрой истории СССР, а в сентябре 1942 г. вновь была выделена в самостоятельную кафедру истории Средней Азии). Следует отметить, что в 1941—1945 гг. в связи с эвакуацией в Ташкент учебных заведений центра во главе кафедры истории Средней Азии стал крупный советский востоковед проф. А. Ю. Якубовский (Ленинград). На кафедре велись курсы: история древнего периода Средней Азии до VII в. (В. А. Шишкин), история Средней Азии с VII по XV в. включительно (А. Ю. Якубовский и И. П. Петрушевский), история Средней Азии от XVI в. до завоевания ее русским царизмом во второй половине XIX в. (А. А. Семенов); колониальный период и советская эпоха в Средней Азии (И. К. Додонов). Читались также вспомогательные курсы: Ближний Восток в III—XV вв. (И. П. Петрушевский), введение в исламоведение (он же); история

---

<sup>99</sup> Б. Г. Гафуров, *Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС*, — «Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», стр. 33.

Средней Азии с XVI по XIX в. (для аспирантов; А. А. Семенов); источниковедение по истории Средней Азии, мусульманская палеография, среднеазиатская метрология, хронология Востока (он же); история Средней Азии с XI по XV в.; сношения Средней Азии с Поволжьем и древней Русью в домонгольский период (А. Ю. Якубовский), арабский язык (В. И. Беляев) и др.<sup>100</sup>

Как видим, в историю преподавания востоковедческих дисциплин в Ташкенте вошли имена ряда крупных советских востоковедов.

Заметим, что кафедра имела четырех аспирантов-узбеков. После отъезда из Ташкента в мае 1945 г. А. Ю. Якубовского заведывание кафедрой было возложено на А. А. Семенова.

С конца 1939 г. в программу исторического факультета САГУ было включено чтение некоторых курсов по среднеазиатской археологии; тогда же встал вопрос о целесообразности организации специальной кафедры археологии, которая и была утверждена в начале 1940 г., а с 1 апреля получила утвержденный штат во главе с заведующим кафедрой проф. М. Е. Массоном.

Кафедра археологии Средней Азии была «призвана разрешить, — по словам М. Е. Массона, — подготовку для всех среднеазиатских республик новых кадров археологов, в которых ощущался острый недостаток, особенно при организации больших экспедиций. А последние-то и составляли новое крупное достижение и характерное прогрессивное явление» периода начиная с 1932 г.<sup>101</sup>

В работе кафедры в разное время принимали участие С. Н. Замятнин, Н. Г. Маллицкий, Л. В. Ошанин, А. А. Семенов, В. П. Смирнов, И. П. Петрушевский, Г. А. Пугаченкова и др.

В 1944 г. было принято правительственное постановление об организации самостоятельных восточных факультетов в составе Ленинградского, Среднеазиатского (Ташкентского), Азербайджанского (Бакинского), Тбилисского университетов<sup>102</sup>.

<sup>100</sup> А. А. Семенов, *Кафедра истории Средней Азии*, — «25 лет Среднеазиатского государственного университета», Ташкент, 1945, стр. 141.

<sup>101</sup> М. Е. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении*, стр. 29—30; см. также: М. Е. Массон, *Кафедра археологии Средней Азии*, — «25 лет Среднеазиатского государственного университета», стр. 142—146; «Научная работа кафедры археологии Средней Азии исторического факультета САГУ», — «Труды Среднеазиатского государственного университета», новая серия, вып. XI, гуманитарные науки, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 3—9.

<sup>102</sup> Ср. Г. Ш. Шарбатов, *Арабистика в СССР (1917—1959)*. Филология, М., 1959, стр. 33.

Осенью 1944 г. восточный факультет Среднеазиатского университета начал свою работу, которая продолжается и в настоящее время. Однако этот период восточного факультета, выросшего в один из крупных учебных центров советского востоковедения, составляет особую главу в истории развития востоковедного вуза в Ташкенте.

---